

Рассылается по специальному списку

№ 000041

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том второй

МАРКСИЗМ В ЭПОХУ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Выпуск второй

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

1981

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том второй

**МАРКСИЗМ
В ЭПОХУ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА**

Выпуск второй

STORIA DEL MARXISMO

Volume secondo

IL MARXISMO NELL'ETA DELLA SECONDA INTERNAZIONALE

**Giulio Einaudi editore
Torino — 1979**

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том второй

МАРКСИЗМ В ЭПОХУ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Перевод с итальянского

Выпуск второй

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

1981

СОДЕРЖАНИЕ

ВИТТОРИО СТРАДА

Полемика между большевиками и меньшевиками о революции 1905 года

9 9

1. Русская социал-демократия и Европа.....	10
2. Аграрный вопрос.....	12
3. Классы и государство в революции.....	17
4. Социализм и «буржуазная» демократия.....	25
5. «Военная партия» и «массовая партия».....	29
6. Раскол между меньшевиками и большевиками на V съезде РСДРП.....	37
7. Троцкий, Парвус и «перманентная революция».....	39
8. Партия и революция — тезис Ленина.....	45
9. «Антиафодническая» полемика меньшевиков.....	49
10. Якобинство и ленинизм.....	53

ЮТТА ШЕРРЕР

Боданов и Ленин: большевизм на распутье

1. Угроза раскола в большевизме.....	64
2. Политическая «картина мира».....	70
3. Агитация и пропаганда.....	75
4. «Пролетарская культура».....	82
5. Коллективизм — идеология будущего общества.....	98
6. Философия пролетарской борьбы.....	108

МАССИМО САЛЬВАДОРИ

Германская социал-демократия и русская революция 1905 года. Дискуссия о массовой забастовке и «различиях» между Востоком и Западом

1. Истоки разногласий.....	117
2. Русская революция и обстановка в Германии.....	119
3. Разногласия между партией и профсоюзами.....	121

4. Каутский: Германия между Россией и Соединенными Штатами	135
5. Роза Люксембург: «уроки» России	143
6. Парвус: русская революция и рабочая демократия	152
7. Бернштейн: государство и общество на Востоке и на Западе	159

АНДЖЕЙ ВАЛИЦКИЙ

Польский марксизм в конце XIX — начале XX века

1. Первое поколение польских марксистов	167
2. Национальный вопрос и социализм в отсталой стране	169
3. Проблема познания и истинность	174
4. Прошлое и настоящее	178
5. Келлес-Крауз и национальный вопрос	183
6. «Философия труда» Бжозовского	187

ВАЛЕНТИНО ДЖЕРРАТАНА

Антонио Лабриола и внедрение марксизма в Италию

1. Колебания в истолковании и оценке	192	192
2. Грезы итальянской революции	194	194
3. Кризис и отход от политики	198	198
4. От умеренной ориентации к социалистическому радикализму	204	204
5. Зрелый марксист	214	214
6. От написания «Очерков» до «кризиса марксизма»	224	224

ГРЕГОРИО ДЕ ПАОЛА

Жорж Сорель: от метафизики к мифу

1. Годы идейного формирования	236
2. Марксизм как «новая реальная метафизика»	241
3. Марксизм как философия действия	249
4. Марксизм как миф	257
5. Успех Сореля и сорельянисты	266

ЭНДРИО АРАТО

Антиномия классического марксизма: марксизм и философия

1. Материализм как всеобщее мировоззрение: Энгельс, Плеханов и Ленин	271
2. Исторический материализм: Лабриола и Каутский	289

3. «Критика» и этика: Кант и Маркс	301
4. Судьба диалектики в рядах социалдемократии	320
5. Сорель и антиномии марксистской мысли	333
6. Неустрашимый дуализм	340

АНДРАШ ХЕГЕДЮШ

Аграрный вопрос

1. Маркс об аграрном и крестьянском вопросе	344
2. Аграрная программа социализма и I Интернационал	349
3. Попытки ревизии аграрной программы	354
4. Poleмика вокруг тезиса о «невозможности выживания» мелкой и средней крестьянской собственности	358
5. Марксизм и аграрный вопрос в Восточной Европе	361

РЕНЕ ГАЛЛИСО

Дискуссии о нации и национальности в рабочем движении

1. Национальный вопрос: пробел в марксистском анализе	367
2. «Горизонты 1848 года»: исторические нации и народы без истории	373
3. Ирландия как исключение и уроки I Интернационала	379
4. «Капиталоцентризм» и незавершенность исследования национальности	385
5. Национальный этатизм и его первая теоретическая разработка у Каутовского	392
6. Кошмар национализма во II Интернационале	399
7. Национализм и национальное освобождение: от Розы Люксембург к Джеймсу Коннолли	401
8. Австрийский компромисс и дискуссия в России (1898—1905)	410
9. Отто Бауэр и национально-культурное развитие	426
10. Революционный централизм и право на самоопределение или национальную автономию и демократия	436

ФРАНКО АНДРЕУЧЧИ

Колониальный вопрос и империализм

1. Колониальный вопрос, угнетенные народы и «крах» капитализма	454
2. Мировая политика и капитализм конца столетия	463
3. Империализм	471

МАДЛЕН РЕБЕРЬО

Дискуссии о войне

1. Теоретические обоснования.....	480
2. Разработка вопроса о войне и мире: с 1848 года до I Интернационала	484
3. «Единственно подлинная партия мира».....	490
4. Экономические противоречия и милитаризм.....	493
5. На рубеже века: Weltpolitik и заморские войны.....	498
6. Штутгарт: последнее проявление единства Интернационала	502
7. Какая война?.....	507
8. Война война.....	512
9. Война или революция?.....	514
10. Крах Интернационала.....	519

Массимо Сальвадори

ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА. ДИСКУССИЯ О МАССОВОЙ ЗАБАСТОВКЕ И «РАЗЛИЧИЯХ» МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Германская социал-демократия, по общему признанию, являлась ведущей партией II Интернационала как по причине своей организационной мощи, к которой приплюсовывалась мощь связанных с партией и возглавлявшихся социал-демократами «свободных профсоюзов», так и благодаря значению теоретических дискуссий, которые происходили в ее рядах, знаменуя целые главы в истории международного марксизма. Самой известной и значительной из них была, без сомнения, дискуссия о ревизионизме, развернувшаяся в последние годы XIX — первые годы XX века. Другая важная глава связана со спорами, разгоревшимися в период первой русской революции по вопросу о всеобщей стачке, с острыми разногласиями, вспыхнувшими в связи с этим в самой социал-демократической партии, а также между партией и профсоюзами. Содержание дискуссии хорошо известно: ее ход не раз прослеживался не только в работах о германской социал-демократии в целом, но и в монографиях, посвященных наиболее видным участникам дискуссий, среди которых выделяется Роза Люксембург; более активно, чем кто бы то ни был другой, она выступала по теоретическим аспектам массовой стачки как новой формы современной пролетарской революции.

1. Истоки разногласий

При том, что основные положения этой дискуссии неоднократно воссоздавались в работах исследователей, подлинное ее историческое значение оставалось непонятым. Дискуссия развернулась в Германии под мощным воздействием русской революции 1905—1907 годов, причем в такой период, когда империю Вильгельма II сотрясали крупные массовые выступления, в основе которых были как экономические требования трудящихся, так и их стремление — особенно сильное в Пруссии и Саксонии — изменить несправедливые избирательные законы, отводившие, по сути дела, социал-демократии вечную роль меньшинства. Тогда перед герман-

ским рабочим движением встали в основном следующие вопросы: должна ли германская социал-демократия взять на вооружение в собственных целях ту массовую политическую забастовку, которая благодаря российскому пролетариату сыграла колоссальную роль в его борьбе с царским режимом? Должна ли партия безоговорочно признаваться руководителем всего рабочего движения, а следовательно, и профсоюзов?

Воссоздать картину споров по этим вопросам, приведших к размежеванию в рядах германского рабочего движения, чрезвычайно важно не только для истории Германии и истории ведущей партии II Интернационала. Огромная важность такой работы обусловлена прежде всего тем (и здесь мы подходим к основному пункту, который, на мой взгляд, не был достаточно выяснен всей предшествующей историографией), что в ходе споров были четко и непреложно обозначены предпосылки раскола, разделившего после 1917 года европейское рабочее движение на два главных течения. Представители первого исходили из того, что базой революционного процесса должна служить массовая внепарламентская борьба, и считали, что именно русский пролетариат открыл путь этой новой стратегии и наполнил ее существенным содержанием. Представители другого считали, что если пролетариат развитых капиталистических стран станет копировать формы борьбы русского пролетариата, то это может привести лишь к пагубным результатам. Они полагали необходимым придерживаться законных путей, действуя внутри институтов парламентарного строя, и думали, что социализм обязательно наступит благодаря расширению рамок политической демократии, понимаемой в духе либеральной традиции. За этими спорами крылось глубокое расхождение во мнениях относительно степени «специфичности» положения русских рабочих, а следовательно, и форм их борьбы.

Таким образом, именно в Германии в 1905—1907 годах развернулась та дискуссия о «различиях» между Востоком и Западом, которой суждено было приобрести столь большое значение в будущем. Будучи воспроизведены в расширенном виде, эти разногласия вначале не только раскололи, но и после третьей русской революции фронтально противопоставили друг другу социал-демократов и коммунистов. Позже, после провала коминтерновской стратегии, нацеленной на борьбу против «социал-фашизма», эти же разногласия в рядах самих коммунистов послужили толчком к новым рассуждениям, вроде изложенных в «Тюремных тетрадах» Грамши. Наконец, после «десталинизации» они же в результате длительного процесса вызревания привели к появлению «еврокоммунизма». Не следует забывать, что тема «различий» в период между двумя мировыми войнами получила

скрупулезную разработку в трудах австромарксистов, и прежде всего в работах Отто Бауэра. Разумеется, мы не утверждаем, что в дискуссии, развернувшейся в рядах германского рабочего движения в 1905—1907 годах, уже содержалось, так сказать, все то, что в дальнейшем было сказано и написано на эту тему. Мы хотим лишь сказать, что, с одной стороны, проблема была обрисована тогда в основных чертах, а с другой — тогдашние расхождения как бы предвосхитили и прояснили в теоретическом и политическом отношениях раскол, происшедший после 1917 года между социал-демократами и коммунистами.

2. Русская революция и обстановка в Германии

Первая русская революция отозвалась мощным эхом в Германии, вступившей в полосу острых стачечных конфликтов и политических выступлений, сотрясаемой до самых основ последствиями межимпериалистических столкновений (кульминацией которых был первый марокканский кризис) и раздираемой противоречивой реакцией общественности на репрессии в германских колониях в Африке. Короче говоря, русская революция всколыхнула германское рабочее движение, которое в силу внутренних факторов уже настолько прониклось боевым духом, что созрело для постановки вопроса о непосредственных целях борьбы и ее формах.

1905 год начался в Германии грандиозной забастовкой горняков в Руре, в которой в момент ее наибольшего размаха участвовало свыше 200 тысяч человек. Исключительное значение этой забастовки определялось не только ее продолжительностью (начавшись 7 января, она окончилась 19 февраля), но и тем, что она наглядно продемонстрировала стихийный порыв масс. Этот порыв создал немалые трудности для самого социал-демократического руководства «свободных профсоюзов», предметом озабоченности которого была не только сплоченность фронта предпринимателей, исполненных решимости не идти ни на какие уступки, но и то, что забастовка затягивалась и становилась базой, на которой происходил общий процесс радикализации, охватывавший как членов профсоюзов, так и неорганизованных рабочих. С большим трудом профсоюзным руководителям удалось добиться прекращения забастовки 9 февраля с помощью соглашения, которое по существу означало отказ хозяев удовлетворить требования рабочих. Фактически же забастовка продолжалась до 19 февраля.

Забастовка горняков в Руре представляла собой лишь наиболее крупный эпизод борьбы рабочих в 1905—1907 годах, за которым последовали многочисленные выступления

рабочих — членов профсоюзов. В 1905 году было зарегистрировано в общей сложности 2323 стачки и локаута, в которых участвовало 507 964 человека, в 1906 году — 3480 стачек и локаутов и 316 042 участника, в 1907 году — 2792 стачки и локаута и 281 030 участников.

Одновременно с подъемом забастовочного движения, начало которому положила забастовка горняков в Руре, в 1905 году развернулся еще один фронт массовых выступлений — за реформу избирательной системы в Пруссии и Саксонии, основанной на принципе «трех классов» и обрекающей социал-демократию на полное политическое бессилие. В главных городах Саксонии, Дрездене, Лейпциге, Хемнице, в ноябре—декабре 1905 года происходили крупные массовые демонстрации. В Дрездене дело дошло до жестоких стычек с полицией. Крупная забастовка политического характера (против существующей муниципальной избирательной системы) вспыхнула в январе 1906 года в Гамбурге. В том же месяце в Пруссии и Саксонии возобновились и продолжались на протяжении всего года волнения из-за избирательной системы на основе принципа «трех классов».

К перечисленным причинам массовых выступлений прибавилось затем, как уже говорилось, недовольство империалистической внешней политикой Германии. В связи с первым марокканским кризисом эта политика породила серьезную опасность войны между европейскими империалистическими державами и повлекла за собой резкий рост расходов на армию и флот, что тяжело отразилось на уровне жизни населения, и в первую очередь трудящихся. Напряженные социально-политические отношения внутри страны усугубились сообщениями о чудовищной жестокости, с которой немецкие войска расправлялись с восставшим населением африканских колоний Германии.

В обстановке повышенной внутривнутриполитической напряженности в Германии русская революция сыграла роль катализатора. С одной стороны, она вызвала волну манифестаций солидарности с пролетариатом царской империи, с другой — обострила теоретическую дискуссию о соотношении реформ и революции, о наиболее эффективных формах борьбы с организованным и опытным западным капитализмом, о связях между событиями в России и борьбой трудящихся в Германии и вообще в Центральной и Западной Европе. Весьма показательным, что если подъем революционного движения в России способствовал радикализации значительной части германской социал-демократии, то его спад и поражение в такой же степени содействовали тому, что в партии возобладали наиболее умеренные течения, а Роза Люксембург, выдвинувшаяся в качестве главного руководителя и теоретика радикального крыла, оказалась в изоляции. На парла-

ментских выборах в январе 1907 года социал-демократы недосчитались многих мандатов. «Урок», который извлекла из этого их партия, отступавшая на умеренные позиции под нажимом профсоюзов, заключался в том, что русская революция ни в коей мере не может служить примером для немецкого рабочего движения и что магистральный путь к успеху в Германии — это путь законности, постепенности, реформ. Суть урока сводилась к тому, что Запад — даже тот стран- ный «Запад», каким была кайзеровская Германия, — не может и не должен следовать за Востоком.

3. Разногласия между партией и профсоюзами

Влияние первой русской революции наложило в Гер- мании на боевое движение масс и идущий от этого движения импульс к пересмотру стратегии германского рабочего дви- жения в одном определенном направлении, а именно по про- блеме массовой забастовки. Споры по этому вопросу, раз- вернувшиеся с беспрецедентным для германского рабочего движения размахом, были вызваны не только примером мас- совых забастовок в России и крупных стачечных выступле- ний в самой Германии: влияли также массовые забастовки, прокатившиеся в 1902—1904 годах по Бельгии, Швеции, Гол- ландии и Италии. Именно из-за откровенно политических целей этих забастовок очередной конгресс II Интернациона- ла, заседавший в августе 1904 года в Амстердаме, занялся обсуждением вопроса о всеобщей забастовке. Отвергнув анархистскую концепцию всеобщей забастовки, большинст- во участников конгресса указало на возможность примене- ния массовой политической забастовки как крайнего средст- ва в тех случаях, когда целью ее является «достижение круп- ных социальных изменений либо отпор реакции, покушаю- щейся на права трудящихся». Примечательно, что среди са- мых решительных противников всеобщей забастовки были немецкие делегаты. Деятель германских профсоюзов социал- демократ Роберт Шмидт заявил, что для профсоюзов его страны вопрос об объявлении всеобщей забастовки даже «не подлежит обсуждению» и что единственный путь, по которо- му нужно следовать, — это путь постепенных усилий, направ- ленных на укрепление рабочих организаций.

Насколько прохладным было отношение к этому вопросу германской социал-демократии, показал Бременский съезд партии в сентябре 1904 года. Выдвинутое на нем предложе- ние (поддержанное среди прочих Карлом Либкнехтом и Кларой Цеткин) включить в повестку дня следующего съез- да вопрос о всеобщей забастовке натолкнулось на сопротив- ление партийного руководства, которому в конце концов и

было доверено принять окончательное решение по этому поводу!

Но если вплоть до этого момента вопрос о всеобщей забастовке оставался для германского рабочего движения темой предпочтительно академических теоретических дикуссий, то под воздействием первой русской революции и в связи с массовыми выступлениями, подобными забастовке горняков в Руре, он приобрел остроактуальное значение.

Русская революция вызвала огромный энтузиазм среди немецких социал-демократов, которым царская Россия извечно представлялась оплотом европейской реакции, а монархия Романовых — родной сестрой германской и австро-венгерской монархий. Когда Каутский писал в 1897 году, что Маркс и Энгельс завещали рабочему классу «борьбу с царизмом» наряду с борьбой против капитализма, он выражал своего рода «массовую идеологию» социал-демократии². Таким образом, Россия рассматривалась как источник реакционного влияния, приходящего на Запад с Востока, как олицетворение милитаризма и бюрократизма. Избавить Европу и весь мир от царского самодержавия означало поэтому заложить предпосылки крупных политических перемен для всего континента. Характерно, что именно в таком смысле писала накануне революционного взрыва в России газета баварских социал-демократов «Мюнхнер пост», известная своим ревизионистским направлением. «Освобождение России», утверждала газета, явится, «возможно», самым важным событием современной истории после Французской революции. «В качестве оплота реакции Россия ныне не просто служит идеалом государства для германской и австрийской династий, для юнкеров и всех реакционных сил в обществе, ведущих свою родословную от средневековья. Подобно кошмару, Россия нависает над всеми другими державами Западной Европы, да и всего остального мира, препятствует развитию каких бы то ни было освободительных движений, воздействует в реакционном и обскурантистском духе на другие страны» посредством своей внутренней и внешней политики, своего милитаризма³.

Вот почему лозунг поддержки революции ради демократизации России и ее, так сказать, воссоединения с Западом сразу же сделался общим лозунгом германской социал-де-

¹ Краткие, но точные и исчерпывающие сведения о дискуссии в международном рабочем движении по вопросу о всеобщей забастовке вплоть до начала 1905 года см. в: *J. Braunthal. Geschichte der Internationale*. Hannover, 1961, B. I, S. 291—304; *K. Kautsky. Der politische Massenstreik*. Berlin, 1914, S. 9—108.

² *K. Kautsky. Die orientalische Frage und die Sozialdemokratie*. — In: «Vorwärts», 4. III. 1897.

³ «Zusammensturz des Zarismus». — In: «Münchener post», 23. XII. 1904.

мократии после «кровавого воскресенья» 22 (9) января 1905 года, которым ознаменовалось в Петербурге начало борьбы русских масс против царизма. Эта позиция была ясно изложена вождем партии Августом Бебелем в апрельском обращении 1905 года: «основной целью» революции должно быть «завоевание политических прав и политической власти». «На всей территории Российской империи» нужно добиваться образования «свободной народной республики», основанной на политических и гражданских свободах, полной свободе организации, современном социальном законодательстве, восьмичасовом рабочем дне. Кульминационным пунктом всех завоеваний должно было стать всеобщее избирательное право¹.

Все это укладывалось в рамки восторженной, но все же неопределенной поддержки русской революции—поддержки, обусловленной главным образом заинтересованностью германской социал-демократии в том, чтобы свержение российской монархии создало повсюду в Европе более благоприятную атмосферу для распространения демократии и международной разрядки. Подобная позиция маскировала центральную проблему немецкой социал-демократической партии и профсоюзов: что должно предпринять рабочее движение в Германии ради поддержки революции, или, точнее, следует ли немецкому рабочему движению перенять формы борьбы русского пролетариата для борьбы с капитализмом и государством в Германии. Именно поиски ответа на эти вопросы вызвали в германском рабочем движении процесс глубокого размежевания. Так дискуссия о революции в царской империи переросла в ожесточенный, доходящий до раскола спор о революции в Германии.

Разногласия обострились, когда обсуждение непосредственно коснулось оценки тех последствий, которые могло вызвать в Германии применение массовых форм борьбы русского пролетариата, и особенно массовой забастовки. По мнению радикального крыла партии (Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Клара Цеткин, Франц Меринг, сам Каутский), пример русской массовой забастовки служил «уроком» немецкому пролетариату, долг которого состоял в том, чтобы приготовиться к наступательным действиям, выйдя за рамки традиционной парламентской и профсоюзно-экономической стратегии с целью достижения крупных политических перемен (на первое место при этом ставился вопрос о реформе избирательной системы на основе принципа «трех классов»). Такая позиция левого крыла вызвала резкую реакцию «сво-

¹ "August Bebel an die deutschen Arbeiter und Arbeiterinnen im Russisch-Polen und Lituanien. Offener Brief". — In: "Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung". Berlin, 1967, B. IV, S. 143—144.

бодных профсоюзов», в результате которой в центр споров выдвинулся не только вопрос о формах борьбы, но и вопрос об отношениях между партией и профсоюзами.

Самым авторитетным органом радикального крыла являлась в то время газета «Лейпцигер фольксцайтунг», где ответственным редактором был Меринг. Выступления этой газеты с изложением позиции левых не замедлили вызвать ответ профсоюзов, бывших на практике прочной опорой ревизионизма и реформизма. В общем, все течения немецкого рабочего движения были едины в поддержке попытки русского пролетариата положить конец ненавистному самодержавию, но отнюдь не были едины в одобрении и усвоении русских методов борьбы. Вот что писала «Лейпцигер фольксцайтунг» 2 февраля 1905 года: «Влияние столь грандиозного события, как русская революция, выходит далеко за пределы Российской империи, и Германия является тем государством, которое более чем какое-либо иное восприимчиво к этому влиянию... Русская революция знаменует конец нынешнего спокойного существования. Она открывает перспективы огромного значения и ставит нас перед вопросами, решение которых потребует полного напряжения всех наших сил и поднятия революционного инстинкта немецкого рабочего класса на новый уровень»¹.

Еще категоричнее были следующие слова: «Русская революция вносит новый элемент в методы борьбы международного пролетариата... Русские рабочие показали рабочим Западной Европы, как следует на практике проводить ту всеобщую забастовку, о которой велось столько дискуссий... Подобная всеобщая забастовка... и есть организованная революция, есть выступление пролетариата как класса. Всеобщая забастовка, массовая политическая забастовка, представляющая собой в Западной Европе крайнюю и последнюю форму классово-борьбы в экономико-политическом плане, ныне образцово применяется русской социал-демократией»².

Смысл подобных заключений не требовал никакого разъяснения: черным по белому было написано, что Запад и Восток должны объединиться в выборе форм борьбы и что примером тут является русский пролетариат. Но как раз это профсоюзная верхушка считала абсолютно неприемлемым, самым настоящим объявлением войны традиционной страте-

¹ "An der Schwelle einer neuen Epoche". — In: "Leipziger Volkszeitung", 2. II. 1905. Печатаемо в: L. Stern (red.). Die russische Revolution von 1905—1907 im Spiegel der deutschen Presse (в дальнейшем—RRSDP). Berlin, 1961, B. II 3, S. 232—233.

² «Märzstimme» — In: «Leipziger Volkszeitung», 21. III. 1905 (RRSDP, B. II/3, S. 152—153).

гии профсоюзов. Российский пример учил, что экономические стачки в накаленной атмосфере всеобщей или, во всяком случае, массовой забастовки мгновенно приобретали политический характер, что массовая забастовка в огромной степени развязывала инициативу самих масс. Профсоюзные вожди истолковывали русский пример как прямую угрозу собственному положению. Мало того, отвечая радикалам, они подчеркивали, что условия России глубоко отличаются от условий Западной Европы, и особенно Германии, что роль государства в царской России совсем иная, чем в Германии, что карательная мощь господствующих классов в Германии резко отлична от карательной мощи господствующих классов такой отсталой и прогнившей страны, как Россия, подорванной к тому же поражением в войне с Японией. Профсоюзные вожди клеймили выводы радикального крыла как «интеллигентские» рассуждения. «Мы отнюдь не сторонники уличных демонстраций», — писала, отвечая представителям этого крыла, официальная газета профсоюзов. Русские демонстрации — это типичное проявление массовых движений, не прошедших «школу организации». У немецкого пролетариата иной стиль, как это ясно показывает огромная забастовка в Руре. Основными чертами этого стиля являются «железная дисциплина» и «поразительный самоконтроль»¹.

Категорический отказ немецких профсоюзов «учиться» у России и их столь же категорический отказ от любой революционной стратегии, стержнем которой являлась бы всеобщая забастовка, были санкционированы решениями Кёльнского съезда профсоюзов в мае 1905 года. Докладчик по вопросу о всеобщей забастовке Теодор Бёмельбург объявил, что идея всеобщей забастовки отмечена несомненной печатью анархизма, что основополагающей для профсоюзов является работа по повышению уровня организации и что, хотя массовая политическая забастовка и может рассматриваться как некое гипотетическое оружие для отражения угрозы политическим и профсоюзным правам трудящихся, следует отвергнуть любую систематическую пропаганду в пользу применения этого типа забастовки. В представленной съезду Бёмельбургом от имени Генеральной комиссии профсоюзов резолюции, с одной стороны, осуждались «любые попытки навязывания тактики, выработанной с помощью пропаганды массовой политической забастовки», а с другой — содержался призыв к рабочим не поддаваться на увещевания и не отвлекаться от «скромной повседневной работы по укреп-

¹ «Generalstreiks und Revolution in Russland». — In: «Correspondenzblatt der Generalkommission der Gewerkschaften Deutschlands», II. II. 1905 (RRSDP, B. II/3, S. 148).

лению организации». Из 208 делегатов съезда против этой резолюции проголосовали лишь семь»¹.

Следует напомнить, что позиция профсоюзов по вопросу о массовой политической забастовке и тем более о всеобщей забастовке была равноценна объявлению войны не только радикальному крылу социал-демократии, но и самому бернштейнскому ревизионизму. В самом деле, Бернштейн, как будет подробнее сказано ниже, вступив в дискуссию в январе 1925 года, заявил, что он согласен с идеей обращения — при определенных условиях — к оружию массовой забастовки ради отстаивания демократических завоеваний или приобретения новых, но только не во имя революционных целей. Принятая профсоюзным съездом резолюция сразу же вызвала бурную реакцию в низовых профсоюзных и партийных организациях. Во многих немецких городах (Берлине, Бремене, Франкфурте, Гамбурге, Кёльне и других) были отмечены многочисленные энергичные протесты рабочих в защиту массовой забастовки. Но на сторону руководства профсоюзов стала редакция центрального партийного органа, газеты «Форвертс», которая начиная с июня развернула педантичную и настойчивую полемическую кампанию, особенно против Каутского. Эта кампания продлилась вплоть до октября, когда прежний состав редакции был заменен новым. Наряду с Каутским одной из главных мишеней для «Форвертс» служила голландская социалистка Генриетта Роланд-Гольст, опубликовавшая в июне 1905 года работу «Всеобщая забастовка и социал-демократия», которая оказала огромное влияние на ход дискуссии.

С 17 по 23 сентября 1905 года проходил съезд социал-демократической партии в Йене. Наиболее важным, политически значимым вопросом в его повестке дня был тот же вопрос, что и на профсоюзном съезде в мае: о массовой забастовке. Среди многих комментариев, посвященных профсоюзной и партийной печатью открытию съезда, два особенно четко отражают столкнувшиеся на нем противоположные взгляды. Газета профсоюзов без обиняков писала:

«Подготовка к ней [массовой забастовке] равноценна организации революции. Куда важнее укреплять политическую и экономическую организацию пролетариата, для того чтобы она была в состоянии защитить его в любой ситуации и контролировать любое пролетарское движение»².

В свою очередь орган женского социал-демократического движения газета «Гляйххайт», которой руководила Клара

¹ "Protokoll der Verhandlungen des fünften Kongresses der Gewerkschaften Deutschlands abgehalten zu Köln a. Rh. von 22 bis 27 Mai 1905". Berlin, s. d., S. 30.

² "Der sozialdemokratische Parteitag in Jena".—In: "Correspondenzblatt der Generalkommission der Gewerkschaften Deutschlands", 16. IX. 1905 (RRSDP, B. II/4, S. 643).

Цеткин, писала, выражая противоположную точку зрения: «Германская социал-демократия собирается в Йене в необычайно серьезный и великий момент. Она проводит свой съезд под знаком одного из самых грандиозных событий мировой истории — русской революции».

Развивая затем выступление именно в том направлении, которое наталкивалось на самое упорное противодействие профсоюзов, газета указывала на русскую революцию как на пример для всего пролетариата: «События в России пробуждают и подкрепляют понимание пролетариатом собственной революционной силы. Они помогают ему осознать, что революция является неизбежным моментом исторического развития... они направляют его внимание на массовую политическую забастовку как метод борьбы!»¹.

Съезд 1905 года имел для германской социал-демократии опромное значение, ибо ознаменовал поворот партии к радикальным позициям. Этот поворот, разумеется, был непосредственно связан с влиянием русской революции — влиянием, которое, как мы видели, пришлось именно на момент повышенной социальной и политической напряженности в немецком обществе. Основной темой выступления на съезде была тема массовой политической забастовки в связи с оценкой революции в России, влияния этой революции на стратегию рабочего движения в Германии, отношений между партией и профсоюзами. Харизматический вождь партии Бебель, который не имел равных как политический оратор, произнес на съезде одну из самых выдающихся своих речей. Он говорил, что у социал-демократии нет иного пути, кроме как быть в оппозиции всей господствующей системе в целом. Поскольку надежды на создание буржуазно-демократического реформаторского блока несостоятельны, партии в связи с этим необходимо приготовиться к максимально энергичной защите условий своей дальнейшей деятельности, которым открыто угрожают замыслы реакции. Что касается ее собственных намерений, то социал-демократия полна решимости идти мирным путем. Но она должна быть готова противостоять реакционным вылазкам. Затронув наиболее животрепещущий вопрос, Бебель вступил в открытую полемику с профсоюзами в отношении массовой политической забастовки. Неверно, заявил он, будто ее применение ведет к одним лишь поражениям. Массовая политическая забастовка может оказаться решающим оружием в деле защиты и расширения демократических прав, «средством борьбы, которое может быть использовано в определенных условиях»². В этом

¹ "Zum sozialdemokratischen Parteitag. — In: "Die Gleichheit", 20. IX 1905 (RRSDP, B. II/4, S. 644).

² "Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Spd. abgehalten zu Jena vom 17 bis 23 September 1905", S. 305.

свете любое стремление профсоюзов к политической нейтральности следует расценить как отрицательное и вредное, а значит, с ним нужно бороться. Долг профсоюзов состоит в том, чтобы готовить пополнение для партии социал-демократов.

Сказав это, Бебель, однако, отверг какие бы то ни было параллели между обстановкой в Германии и обстановкой в России. В Германии, отметил он, предприниматели располагают огромной организованной мощью и в целом — классовым сознанием, «намного более высоким, чем сознание принадлежности к одному классу у немецких рабочих». Кроме того, они действуют на основе «самого полного единства», которому противостоит дробление сил пролетариата на различные профсоюзные организации, конфликтующие одна с другой¹. Помимо этого, не следует забывать, что, с одной стороны, германская военная организация — «непревзойденная», а с другой — германское социальное законодательство в некоторых отношениях нельзя не назвать превосходным². В свете всего этого Бебель, четко отмежевываясь от радикального крыла партии, видевшего в русских массовых забастовках пример для немецкого пролетариата, отверг какую бы то ни было возможность уподоблять Германию России: «условия в России настолько чудовищны, что эти забастовки [забастовки русских рабочих] не могут рассматриваться нами как образец»³.

В конце концов Бебель сыграл роль посредника между двумя различными крылами партии. Подобно радикалам, он отстаивал возможность обращения при определенных условиях к массовой политической забастовке и в Германии, но вместе с реформистами, враждебно относящимися к такого рода забастовкам, он отверг применимость русского образца для Германии. Среди противников массовой забастовки особенно выделялся ревизионист Эдуард Давид. В своей в некотором смысле примечательной речи на съезде он предпринял лобовую атаку на Розу Люксембург, всячески упирая на несводимость германских условий к русским. Теории люксембургского толка, усматривающие в массовой забастовке средство открыть путь процессу социальной революции, подчеркивал он, в Германии могут лишь лить воду на мельницу карателей. Если из русских событий и следует извлечь какой-то урок, то смысл его прямо противоположен тому, который извлекает Люксембург: «Русская революция учит нас многому, но только прямо противоположному тому, в чем нас хочет убедить Роза Люксембург. Русская револю-

¹ Ibid., S. 291.

² Ibid., S. 305.

³ Ibid., S. 306.

ция учит прежде всего, что условия революции... в России никоим образом не могут быть уподоблены условиям, которые существуют у нас в Германии. То, что там представляется правильным, у нас может оказаться совершенно неверным, и было бы чистым безумием стремиться извлечь из русских условий выводы для выработки необходимой нам тактики... Однако в таком безумии и заключается метод товарища Люксембург».

Столбовой дорогой для Германии является путь парламентской демократии с присущими ей методами: «Завоевание политической власти не означает, что наши идеи завоевывают большинство народа. Достичь чего-нибудь подобного насильственным путем, оставаясь партией меньшинства, мы считаем невозможным ни сейчас, ни в самом далеком будущем»¹.

Среди тех, кто на съезде решительно выступил против массовой политической забастовки, был глава профсоюзов Легин, который заявил, что, «однажды вступив на путь массовых действий, мы фактически окажемся перед лицом революции. Пути к отступлению тогда у нас уже не будет»².

В конце концов съезд 287 голосами против 14 и двух воздержавшихся принял резолюцию, представленную Бебелем. В ней говорилось, что партия признает массовую политическую забастовку оружием, применимым для достижения двух целей: защиты всеобщего избирательного права и права на объединение и для завоевания «важных основных условий» освобождения пролетариата. Признавалось необходимым, следовательно, открыто развернуть пропагандистскую работу в предвидении возможного применения массовой забастовки³. Комментарий центрального органа профсоюзов по поводу принятия съездом резолюции о массовой забастовке выражал жесткую, непримиримую оппозицию этому решению: профсоюзы не потерпят, чтобы в их рядах велась «пропаганда массовой политической забастовки»⁴.

Вскоре после съезда партии накал дискуссии о массовой забастовке резко усилился. Начиная с ноября все более частыми стали манифестации и выступления в поддержку избирательной реформы в различных землях. Движение нарастало. Из Саксонии оно перекинулось в Пруссию; вместе с массовыми выступлениями дальнейшее развитие получила дискуссия о соотношении между обстановкой в России и в Германии. Напор радикального крыла в партийной печати

¹ Ibid., S. 328.

² Ibid., S. 322.

³ Ibid., S. 143.

⁴ "Der Parteitag der deutschen Sozialdemokratie". — In: "Correspondenzblatt der Generalkommission der Gewerkschaften Deutschlands", 30. IX. 1905 (RRSDP, B. II/4, S. 715—716).

становился все более ошутимым. «Фольксштимме» 10 ноября писала, что урок русской революции заключался в том, что она на деле полностью опровергла миф, будто народ не в состоянии одолеть государство с его аппаратом власти¹. 11 ноября Роза Люксембург заявила в «Форвертс», перешедшей теперь под контроль радикалов, что русская революция знаменует возврат на авансцену революционного марксизма². 14 ноября «Лейпцигер фольксцайтунг» писала, что русские события означают похороны немецкого ревизионизма; пролетариат и в Германии признал «массовую революционную забастовку» оружием своей борьбы³.

В начале декабря крайне накалилась обстановка в Саксонии. В Дрездене произошли столкновения между демонстрантами и полицией. Газета «Секшише арбайтерцайтунг» писала в комментарии, что «от искр русской революции» занялись сердца немецких пролетариев⁴. Правда, партийное руководство делало все возможное, чтобы убедить массы не выходить за рамки законности, однако несомненным было то, что развитие событий оказалось на опасной грани, за которой могло начаться фронтальное столкновение с властями. Значило ли это, что настал момент прибегнуть к массовой политической забастовке? Бебель выступил в рейхстаге как выразитель настроений массового движения. В начале декабря он заявил, что «при известных обстоятельствах народы Западной Европы также могли бы показать своим хозяевам то, что показал своему господину русский народ»⁵. Несколько дней спустя, в кульминационный момент Московского вооруженного восстания, революционный накал в речах Бебеля дошел до предела, и тот даже на какой-то момент отклонился от собственной позиции на Йенском съезде, где, как мы помним, он утверждал, что русские условия не идут ни в какое сравнение с немецкими. 14 декабря он выступил с предостережением в рейхстаге: «Мы переживаем период реакции, никто не может этого отрицать... Но только результатом реакции всегда становилась революция». В Германии также может сложиться революционная ситуация, и потому вполне вероятно, что, «если не будут избраны новые

¹ "Revolutionslehren". — In: "Volksstimme", 10. IX. 1905 (RRSDP, B. II/4, S. 812).

² "Nach dem Bankrott des Absolutismus". — In: "Vorwärts", 11. XI. 1905 (RRSDP, B. II/4, S. 818).

³ "Geplatze Seifenblasen". — In: "Leipziger Volkszeitung", 14. XI. 1905 (RRSDP, B. III/4, S. 922—925).

⁴ "Wahlrechts-Sturm: Die Arbeiter-Bataillone in Marsch". — In: "Sächsische Arbeiter-Zeitung", 4. XII. 1905 (RRSDP, B. II/5, S. 971).

⁵ "Aus der Reichstagsrede des Abgeordneten Bebel am 7. Dezember 1905". — *L. Stern (red.) Die Auswirkungen der ersten russischen Revolution von 1905—1907 auf Deutschland* (в дальнейшем — AERRD). Berlin, 1955, B. II/1, S. 127.

пути, в Германии произойдет то же, что и в России». «Проведите же реформы», — оказал он, обращаясь к правящим классам. Пруссия к этому времени уже 30 лет ожидала реформу избирательной системы¹.

Декабрь 1905 года — месяц вооруженного восстания в Москве и обострения борьбы за избирательные реформы в Германии — стал высшей точкой радикализации германской социал-демократической партии. Но к бою в этот период из-готовился и консервативный лагерь в Германии. Его основные доводы звучали так: немецкая социал-демократия играет с огнем; Германия — не Россия, сила русского господствующего класса не идет ни в какое сравнение с мощью правящих классов в первой из двух стран. Консервативная пресса не останавливалась перед требованием в случае необходимости подавить силой любую массовую политическую забастовку и ограничить право рабочих на объединение в организации². Канцлер фон Булов со своей стороны неоднократно напоминал в рейхстаге, что Германия — это не Россия и что немецкое правительство сумеет обеспечить порядок внутри страны³. Обращаясь непосредственно к Бебелю и отвечая на его речь от 7 декабря, фон Булов заявил по поводу главного вопроса о соответствии между ситуациями в Германии и России: «Позавчера депутат Бебель неоднократно напоминал об обстановке в России, а в социал-демократической печати мы каждый день видим сравнения и намеки на то, что и у нас могло бы произойти нечто аналогичное.... Со своей стороны хочу заявить, что условия в Германии в корне отличаются от условий в России... Кроме того, хочу заявить, что если социал-демократия решится попытаться развязать у нас кампанию грабежей и убийств, всеобщих забастовок и массовых демонстраций, то попытки такого рода окончатся неудачно, натолкнувшись на прочность наших институтов, сплоченность правительств земель, здравый образ мыслей немецкого народа, который не потерпит ига социал-демократии»⁴.

К этим недвусмысленным угрозам канцлера в адрес социал-демократов в том же месяце прибавились принятые военным министром Пруссии меры по ужесточению наказаний, предусмотренных за организацию антимилитаристских выступлений, а также письмо Вильгельма II фон Булову, в котором выражалось решительное намерение ликвидировать со-

¹ "Reichstag". — In: "Vorwärts", 15. XII. 1905.

² "Die Gefahren des Generalstreiks". — In: "Neue Preussische Zeitung", 6. XII. 1905 (RRSDP, B. II/5, S. 1024—1025).

³ "Aus der Reichstagsrede des Abgeordneten Fritzen und des Reichskanzlers von Bülow am 6. Dezember 1905" (AERRD, B. II/2, S. 96).

⁴ "Aus der Reichstagsrede des Reichskanzlers von Bülow am 9. Dezember 1905" (AERRD, B. II/1, S. 131).

циал-демократическую партию, в случае если она перешагнет пределы дозволенного.

В начале 1906 года сложились условия для перехода германского рабочего движения на умеренные позиции и особенно для решающего столкновения между верхушкой профсоюзов и партийным руководством. В результате этого первые фактически навязали свою волю второму. В январе еще продолжались массовые демонстрации в поддержку избирательной реформы и русской революции, на которую уже надвигалась волна репрессий. 25 января фон Бюлов вновь подтвердил решимость консервативных сил противостоять социал-демократии, 14 февраля Бебель заявил в рейхстаге, что немецкий рабочий класс, как и рабочий класс всех стран, воодушевлен русской революцией¹. Но сразу же после подавления Московского восстания совсем иначе прозвучал комментарий центрального органа профсоюзов. В этом комментарии из опыта русской революции извлекался вполне определенный «урок». Он состоял в том, что, следуя русскому примеру, можно прийти лишь к поражению. Только «хорошая организация», писала 6 декабря «Корреспондентблатт», может привести стачечное движение к успеху. «Ничто не учит нас этому столь убедительно, как обрушившиеся на русский пролетариат кровавые репрессии, которые уничтожили его лучшие силы и насильственно прервали первые шаги русских рабочих по пути к организации».

Радикализация партии, с одной стороны, и открытые угрозы консервативного лагеря — с другой, побудили профсоюзных руководителей предпринять решительные действия по отношению к самой партии. Они не имели ни малейшего намерения рисковать будущим профсоюзной организации в столкновении с аппаратом власти германских правящих классов. Поэтому нажим профсоюзов на партию носил решительный характер, и партия уступила. 16 февраля состоялась конфиденциальная встреча представителей исполнительных органов партии и профсоюзов, на которой партия была вынуждена: 1) взять на себя обязательство препятствовать проведению массовой политической забастовки; 2) взять на себя ответственность за руководство массовой политической забастовкой в случае, если она все же начнется. Профсоюзы в этом случае обещали обеспечить свою поддержку, но в качестве вспомогательной силы.

Несколько дней спустя, с 19 по 23 февраля, состоялось совещание профсоюзных руководителей, на котором были обсуждены отношения между партией и профсоюзами. Участники совещания открыто проявили враждебное отношение к

¹ "Aus der Reichstagsrede des Abgeordneten Bebel am 14 Februar 1906" (AERRD, B. II/2, S. 281).

каким бы то ни было притязаниям партии на руководство профсоюзами и отказались признать русский опыт за образец для немецкого рабочего движения. Влиятельный профсоюзный руководитель Мюллер во всеуслышание заявил, что большая часть партии опьянена русской революцией, но профсоюзы твердо намерены руководствоваться не духом «романтизма», а «здравым реализмом». Вслед за этим он яростно ополчился на Розу Люксембург, Каутского и Меринга¹. Легин со своей стороны подтвердил, что профсоюзы считают обязательной для себя не резолюцию Йенского съезда партии, а резолюцию съезда профсоюзов в Кёльне². Брингман подчеркнул, что ведущей фигурой радикального крыла, бесспорно, является Роза Люксембург, теории которой представляют собой возрождение революционного духа «Манифеста Коммунистической партии» — духа, который «никоим образом не согласуется с условиями, существующими в Германии»³. Ф. Эльм выразил накопившееся у профсоюзных деятелей недовольство, заявив, что профсоюзам пора перейти в контратаку на партию⁴. Другой профсоюзный деятель, Рексхойфер, считал необходимым поскорее устранить опасность того, что под влиянием русской революции массы сочтут крайне важной выработку новой ливнии⁵. Бёмельбург призвал профсоюзы защищать условия своего существования от угроз реакционного характера, явившихся результатом безответственных выступлений представителей радикального крыла социал-демократической партии⁶. Против подобных позиций раздавались лишь немногочисленные голоса.

Центральный партийный орган газета «Форвертс» ответила на выступления на профсоюзном совещании твердым напоминанием о принципах, но в действительности она делала это с оборонительных позиций и, главное, не имея ни малейшей возможности оказать влияние на сами профсоюзы. «Форвертс» заявляла, что никто не собирается искусственно фабриковать массовые политические забастовки; обличала откровенное стремление профсоюзов не подчиняться «по принципиально важному политическому вопросу» приоритету политической партии — выразительницы совокупных требований рабочего движения; защищала Розу Люксембург от упреков в том, что ее выступления носят антипрофсоюзный характер; наконец, обвиняла профсоюзы в том, что, притязая

¹ "Partei und Gewerkschaften. Wörtlichabdruck des Punktes: "Partei und Gewerkschaften" aus dem Protokoll der Konferenz der Gewerkschaftsvorstände vom 19—23. Februar 1906". Berlin, s. d., S. 1—2.

² Ibid., S. 6.

³ Ibid., S. 14.

⁴ Ibid., S. 21—22.

⁵ Ibid., S. 24.

⁶ Ibid., S. 41.

на роль главного выразителя потребностей борьбы пролетариата, они фактически не оставляют иного выбора, кроме как между анархизмом и ультраревизионизмом¹. Однако истинное положение дел было таково, что перед нажимом профсоюзов партия в конце концов отступила.

Очередной съезд партии, состоявшийся в сентябре 1906 года в Мангейме, явился как бы нотариальным актом, зафиксировавшим полную победу профсоюзов. И нотариусом, скрепившим этот акт, был не кто иной, как вождь партии Август Бебель. Массовая забастовка не была отвергнута: вопрос о ней был сдан в архив. В центр своего доклада о массовой политической забастовке Бебель поставил различия между Россией и Германией, а следовательно, непригодность русских методов для широких масс Германии. Разрыв Бебеля с радикальным крылом был очевидным. Необходимо целиком отвергнуть, заявил он, позицию тех, кто выступает за проведение массовых забастовок даже в тех случаях, когда нет уверенности в победе. Без согласия профсоюзов нечего и думать об этой форме борьбы. А вот что он говорил о России и Германии: «Не следует упускать из виду, что положение в России нельзя сравнивать с положением, существующим в Германии. Россия — страна, экономически и политически очень отсталая. Россия управляется деспотически, население не обладает даже самыми элементарными политическими правами... Борьба в России является революционной борьбой, цель которой — завоевание самых элементарных основ современной государственной жизни... В России борьба ведется за новое государственное устройство. У нас уже много лет назад завоеваны те условия, за которые в России еще придется вести борьбу... Поэтому обстановку в Германии нельзя сравнивать с той, которая существует в России. Хотя мы должны бороться с существующим строем, никто не возьмется утверждать, что в нашей борьбе мы должны во всех случаях обращаться к методам, сходным с методами наших русских товарищей... У нас не ставится вопрос об изменении всей политической надстройки буржуазного общества»².

В общем, Бебель энергично поставил проблему различий между Востоком и Западом, к которому, несмотря на ограниченность своих порядков с точки зрения буржуазно-демократического развития, принадлежала Германия. Что же касается специфического вопроса о массовой забастовке, то Бебель не отрекся от своих взглядов на Йенском съезде, но так ограничил проблему, что фактически его позиции совпали теперь с позициями профсоюзов. В самом деле, на

¹ "Zum Protokoll der Gewerkschaftskonferenz" — In: "Vorwärts". 14—15, 17—19. VIII. 1906.

² "Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Spd. abgehalten zu Mannheim vom 23 bis 29 September 1906". Berlin, 1906, S. 231—232.

съезде он снискал полное одобрение Легина, Бёмельбурга и лидеров ревизионистского крыла. Давид на этот раз обрушился на Каутского, который в январе 1906 года утверждал, что русский опыт должен побудить немецкую социал-демократию к пересмотру собственной тактики. Давид еще раз объявил, что Россия ничему не может научить, что ничего не нужно пересматривать и что «революционный ревизионизм» следует отвергнуть¹.

Съезд в конце концов принял предложенную Бебелем резолюцию, которая означала самую настоящую капитуляцию партии перед профсоюзами, хотя формально речь шла лишь о компромиссе между ними. В тексте ее говорилось, что между партией и профсоюзами не существует никаких разногласий по вопросу о массовой забастовке, что в том предположительном случае, если дело дойдет до такой забастовки, партия и профсоюзы будут действовать по совместному согласию и, наконец, что партия и профсоюзы равноправны, но профсоюзы при этом должны стремиться действовать в соответствии с «социал-демократическим духом». Эта резолюция была принята 386 голосами против пяти. Среди голосов, поданных «за», были голоса профсоюзных лидеров, а также Давида, Каутского, Розы Люксембург, Карла Либкнехта². Подлинный смысл голосования не ускользнул от социал-демократов умеренной ориентации, которые расценили его как поражение радикального крыла. Орган баварских социал-демократов газета «Мюнхнер пост» прекрасно поняла значение этого факта, когда писала, что отныне можно считать перечеркнутыми как решения Дрезденского съезда (1903), ознаменовавшего поражение ревизионизма, так и расхождения между партией и профсоюзами. Во всяком случае, не могло быть никаких сомнений, что «решения по вопросу о массовой забастовке, принятые в Мангейме», явились результатом «растущего влияния профсоюзов на партию». Поражение понесли идеологи вроде Каутского и Розы Люксембург, причем именно в связи с поражением Розы Люксембург русский пример был исключен из стратегии германской социал-демократии³.

4. Каутский: Гармония между Россией и Соединенными Штатами

Хорошо известно, что в германской социал-демократии на протяжении всего периода с конца XIX века до первой мировой войны Карл Каутский играл роль официального пар-

¹ Ibid., S. 260.

² Ibid., S. 305—306.

³ “M. A. Der Parteitag von Mannheim”. — In: “Münchener Post”, 3. X. 1906.

тийного идеолога. Это была вполне реальная роль, хотя ее пытались оспаривать ревизионисты и лишь с критическими оговорками принимало радикальное крыло (вплоть до момента разрыва между этим крылом и Каутским примерно в 1910 году в связи с ожесточенной полемикой по вопросу о формах революционного процесса). Одним из решающих компонентов, составлявших авторитет Каутского, была его тесная дружба с общепризнанным вождем партии Бебелем. Сам Бебель, однако, на Мангеймском съезде отмежевался от Каутского в вопросе о массовой политической забастовке, сочтя его позиции чересчур радикальными.

Период 1904—1906 годов чрезвычайно важен в политической эволюции Каутского. Именно в эти годы влиятельный теоретик совершил поворот влево, что было обусловлено как вспышкой массовых выступлений в Германии, так и воздействием русской революции. Каутский в это время пришел к мысли о необходимости пересмотра тактики социал-демократов и сочетании парламентских и внепарламентских форм борьбы в соответствии с опытом, приобретенным русскими революционерами.

На Каутского, таким образом, оказала глубокое влияние русская революция. Он дал анализ ее движущих сил, заслуживший безоговорочно одобрительную оценку Ленина. В значительной своей части этот анализ шел параллельно и в тесной связи с анализом отношения между Германией и Россией. Каутский пытался ответить на вопрос, действительно ли рабочее движение России проложило путь, по которому могли и должны были пойти немецкие рабочие, взяв на вооружение опыт своих русских собратьев. В центре его размышлений был следующий основной вопрос. Ведь среди западных держав Германия стояла ближе всего к России по авторитарному характеру политического строя, отсутствию либерально-демократической буржуазии, способной вести борьбу с милитаризмом, бюрократизмом, юнкерством, по наличию рабочего движения, выступающего в роли единственной силы, готовой последовательно бороться за демократию. Но Германия в отличие от России имела, как неоднократно отмечал Каутский, «самое сильное правительство в мире», крепчайший военный аппарат, высокоорганизованный капитализм. Немецкий пролетариат поэтому — в некотором смысле наравне с русским — имел против себя могущественный блок сил, враждебный как рабочему классу, так и политике реформ. Для успешной борьбы с этим блоком требовались мощные выступления масс. Однако в Германии в силу сложившихся здесь условий столкновение с правящими классами в форме массовых политических выступлений неизбежно совпадало с революционным процессом, в случае поражения революции рабочее движение оказалось бы обреченным на

полное и непоправимое поражение. И это продолжалось бы целую историческую фазу.

В период восходящего развития русской революции Каутский полагал, что победа пролетариата в царской империи окажет большое воздействие на международную обстановку и в первую очередь на Германию: в результате будет ослаблен консервативный лагерь и создадутся условия для решающих боев за установление социалистической власти в Западной Европе. После победы масс в России массовая политическая забастовка в Германии станет решающим средством разрешения классовых конфликтов. Однако успех реакции в России в конечном счете привел Каутского к выводу, что если методы борьбы русских масс оказались непригодными для сокрушения царистского государства, уже подорванного тяжелым военным поражением и обладавшего несравненно меньшими ресурсами, чем германское государство, то эти методы не могли бы принести положительного результата и в Германии. Так завершился этап радикализации Каутского и были заложены предпосылки его полемики с Розой Люксембург, предпосылки их разрыва. Каутский после этого окончательно перешел к теоретизированию в вопросе о «различиях между Востоком и Западом», примкнув в этом пункте к типичным позициям ревизионистского крыла партии; он утверждал, что методом германской социал-демократии может быть только метод парламентской борьбы и постепенного продвижения — главным образом метод завоевания большинства в рейхстаге.

Особо острый интерес Каутского к России возник еще до того, как в этой стране вопыкнула революция. В предисловии к русскому изданию своей книги об Эрфуртской программе, вышедшей на идиш в России, Каутский отмечал два крупнейших фактора, в силу которых «нынешняя политическая обстановка в мире выглядит совершенно иной, чем десять лет назад»: развитие и экспансию американского капитала в международных масштабах и развитие пролетариата в России. Особенность ситуации в царской империи, по его словам, состояла в том, что пролетариат для того, чтобы организоваться, нуждается в «политической свободе», но свободы этой не может добиться иначе, как путем уничтожения царизма. Борьба с самодержавием в России была задачей не одного только пролетариата, но добиться успеха антицаристские силы могли лишь благодаря «классовой борьбе пролетариата» — единственной силе, над которой никто и ничто не могло одержать окончательной победы. Причины, по которым русский пролетариат призван сыграть роль авангарда в

! *K. Kautsky*. Eine Vorrede. — In: "Leipziger Volkszeitung", 1, 3. III. 1903.

революционном движении, были вскрыты Каутским в июле 1904 года. Верно, писал он тогда, что Россия — единственная страна, где можно предположить наличие буржуазии с революционными задачами. Русская буржуазия вместе с тем стоит перед лицом исторического противоречия, вытекающего из ее места в обществе и политической системе. Столкновения с царским самодержавием дают ей стимул к «революционным задачам», но всякое ее революционное стремление сводится на нет тем фактом, что ее почти парализует страх перед пролетариатом. Из-за этого страха она уже усвоила «реакционный образ мыслей буржуазии Запада»¹. Отсюда — убеждение, что грядущая русская революция будет иметь са-мобытные черты, не имеющие аналогии ни в одной из революционных эпох прошлого.

Незадолго до революционного взрыва в России Каутский вел весьма примечательную полемику с Келлес-Краузом (писавшим под псевдонимом Лужня). Этот последний критиковал Каутского за то, что в книге «Социальная революция» тот не упомянул о вооруженной борьбе как революционном средстве и ограничился лишь анализом массовой забастовки. Доводы, которые Каутский приводит в ответ, позволяют проследить основные нити связей, устанавливаемых между Россией и Германией теоретиком немецкой социал-демократии в его анализе форм и рамок революционного процесса. Да, говорит он, немецкий пролетариат — самый организованный в мире, но и немецкое правительство — «самое сильное в мире». Поэтому не следует считать, что эра грядущих пролетарских революций, которая, как предполагал Каутский, уже близка, начнется с выступлений рабочего класса Германии. Куда вероятнее, считал он, что она начнется с выступлений русского пролетариата, который уступает по уровню развития германскому, но, с одной стороны, самими условиями жесточайшей эксплуатации и отсутствия какого бы то ни было права на политическую самостоятельность побуждается выступить в роли наиболее революционной силы общества, а с другой — имеет перед собой хилую буржуазию и разлагающееся самодержавие. Поэтому и русско-японская война, по всей вероятности, «ускорит победу революции». Целью русской революции, если учесть экономическую и социальную незрелость страны, будет, конечно, не построение социалистического строя, а утверждение демократии, главным фактором жизнеспособности и гарантией которой будет не буржуазия, а пролетариат. В свою очередь победоносная революция в России явится мощным стимулом для выступлений немецких рабочих и ослабит международный фронт консерватив-

¹ K. Kautsky. Wie weit ist das kommunistische Manifest veraltet? — In: "Leipziger Volkszeitung", 27. VII. 1904.

ных сил. Конечным итогом этого процесса может стать «политическое господство пролетариата» в Западной Европе. Тогда наступит вторая фаза революционного процесса: пришедший к власти на Западе пролетариат поможет русскому пролетариату модернизировать экономику и создать материальные условия для построения социализма в демократической России. Общество «в целом», писал Каутский, не «может искусственно перепрыгнуть через отдельные фазы развития», но некоторые его части могут совершить такой прыжок при помощи более развитых зон¹.

Взрыв русской революции, колоссальная забастовка в Руре, массовые выступления в поддержку избирательной реформы — все это не только убедило Каутского в том, что сформулированный им вывод верен, но и заставило его считать, что пришло время предложить рабочему движению цельную стратегию. По поводу позиции Кёльнского съезда профсоюзов относительно политической забастовки он открыто высказал критические замечания, более того, обвинил профсоюзы в непонимании характера начавшейся исторической эпохи. Комментируя результаты профсоюзного съезда, он писал:

«По странной иронии судьбы съезд провозгласил потребность профсоюзов в такое как раз в такой год, который по революционности превосходит любой другой на памяти нынешнего поколения»².

Каутский вполне разделял озабоченность профлидеров по поводу политической забастовки и, как и они, был убежден, что в Германии ее проведение будет иметь революционный смысл. Ошибка профсоюзов, на его взгляд, состояла в непонимании того, что «мы ожидаем возникновения революционных ситуаций и в Германии»³. Каутский имел ожесточенную полемическую стычку и с редакцией «Форвертс», выступившей с позиций, враждебных по отношению к массовой политической забастовке. С учетом уровня конфликтности, которого достигла Германия, утверждал он, массовая политическая забастовка разразится и без поддержки профсоюзов.

Комментируя вопросы, стоявшие на партийном съезде, которому суждено было завершиться принятием решения о пропаганде массовой политической забастовки, Каутский в предвидении ее проведения вновь вернулся к вопросу о значении русской революции. Ее главная черта была теперь ясна: «промышленный пролетариат является самой мощной движущей силой» революции. Каутский подчеркивал, помимо

¹ K. Kautsky. Allerband Revolutionäres. — In: "Neue Zeit", XXII, 1903—1904, B. I, S. 623—627.

² K. Kautsky. Der Kongress von Köln. — In: "Neue Zeit", XXIII, 1904—1905, B. II, S. 314.

³ Ibid., S. 315.

того, именно интернациональный характер начавшегося в России процесса. Русская революция, писал он, «несмотря на свой буржуазный характер», представляет собой «начало той эры пролетарских революций, навстречу которой мы идем»¹. Если на Востоке русский пролетариат не может преодолеть буржуазного уровня своих революционных перспектив из-за отсталости страны, он все же мощно способствует возникновению на Западе «революционных ситуаций всех типов»². Ситуаций, которые в наиболее передовых странах открывают социалистические горизонты. Таковы были основные моменты тогдашних рассуждений Каутского.

Анализ русской революции и отношений между Россией и Германией обогатился у Каутского важным элементом в ходе опора с Вернером Зомбартом. Главное утверждение Зомбарта гласило, что Соединенные Штаты отныне являют всему миру образец капиталистического развития и что передовые страны Европы в конечном счете пойдут по указанному ими пути. Каутский ответил, что было бы заблуждением считать, будто в мире существуют образцы, годные для всех. «Парадокс» германской ситуации, добавил он, заключается в том, что Германия находится в известном смысле на полпути между Соединенными Штатами и Россией. «Экономика Германии ближе к американской, *политика* же германская ближе к русской», так что «обе эти страны являют нам наше будущее». В этом смысле задача немецкого пролетариата носила специфический характер: вести борьбу с аппаратом власти, не оставляющим места для демократии (здесь имелась, хотя и относительная, аналогия с российской ситуацией) и в то же время опирающимся на самую развитую экономику Европы (здесь была аналогия с американской ситуацией)³.

Таким образом, если специфика германской ситуации состояла в ее одновременно «русском» и «американском» характере, то специфика ситуации в России следовало видеть в переплетении двух противоречивых элементов: первостепенной роли пролетариата в ходе революционной борьбы и буржуазной природы революции по социально-экономическим причинам (бремя отсталости). Передовым политическим условиям соответствовали отсталые социально-экономические условия. В результате русская революция должна была приобрести характер долговременной, «перманентной революции». В России вряд ли можно было предвидеть создание подлинного буржуазно-демократического строя. Ведущей по-

¹ K. Kautsky. Zum Parteitag. — In: "Neue Zeit", XXIII, 1904—1905, B. II, S. 756.

² Ibid.

³ K. Kautsky. Der amerikanischer Arbeiter. — In: "Neue Zeit", XXIV, 1905—1906, B. I, S. 615.

литической силой русской демократии в борьбе сначала за капиталистическую модернизацию, а затем за социализм призван был стать пролетариат. В свою очередь русская революция приводила в движение международный революционный процесс: «Перманентная революция, следовательно, именно то, что нужно пролетариату в России»¹.

Разумеется, с учетом структуры российской экономики гигантское значение в России приобретал аграрный вопрос, а стало быть, и проблема отношений между пролетариатом и крестьянством. Каутский подчеркивал, что в России в отличие от развитых стран Европы крестьянство играло не консервативную, а революционную роль, хотя и в буржуазно-демократическом смысле. Дворянство и буржуазия в России единым строем выступали против крестьянских требований, в защиту крупной земельной собственности², поэтому только рабочие могли быть союзниками крестьян³.

В анализе Каутского сохранялся нечеткий подход к экономическому содержанию союза пролетариата и крестьянства в России. Каутский понимал, что рабочие нуждаются в поддержке крестьянства для завоевания демократии, но в первое время считал, что рабочие не заинтересованы в создании условий для возникновения мелкой крестьянской собственности, которая станет в будущем препятствием на пути формирования социалистического сельского хозяйства. Он советовал поэтому русскому пролетариату соблюдать известный «нейтралитет» в борьбе крестьянства с крупными собственниками⁴. Вскоре, однако, эти колебания были изжиты, и из-под пера Каутского вышло его самое цельное исследование о русской революции, получившее полное одобрение Ленина.

Это исследование под названием «Движущие силы и перспективы русской революции» увидело свет в ноябре 1906 года. Оно содержало существенно новый элемент, связанный именно с углублением анализа отношений между пролетариатом и крестьянством. Аграрный вопрос в России, утверждал Каутский, может быть решен только с помощью революционных мер, ломкой снизу отношений собственности. Путь законности и постепенных улучшений, предлагавшийся либеральными течениями, наиболее чуткими к запросам крестьянства, и предполагавший переход земли к крестьянам за выкуп, не может быть принят. Подобный путь привел бы к финансовому истощению крестьянства, которое как раз всего

¹ *K. Kautsky*. Die Folgen des japanischen Sieges und die Sozialdemokratie. — In: "Neue Zeit", XXIII, 1904—1905, B. II, S. 462.

² *K. Kautsky*. Die Agrarfrage in Russland. — In: "Neue Zeit", XXIV, 1905—1906, B. I, S. 414.

³ *K. Kautsky*. Die Bauern und die Revolution in Russland. — In: "Neue Zeit", XXIII, 1904—1905, B. I, S. 677.

⁴ *Ibid.*, S. 675.

острее нуждалось именно в капиталах для обновления, модернизации сельского хозяйства. Лишь промышленные рабочие в России готовы были последовательно поддерживать выгодную для крестьян аграрную программу. Но для осуществления такой программы хозяйственной модернизации необходимо было сломать всю структуру российского государства и российского общества: «Без упразднения постоянной армии, без прекращения перевооружения флота, без конфискации всего достояния царской семьи и церкви, без сокрушения государства и национализации крупных монополий в той мере, в какой железные дороги, нефтяные промыслы, шахты, металлургические заводы и т. д. будут еще находиться в частных руках, невозможно будет найти громадные суммы, необходимые для того, чтобы вырвать сельское хозяйство России из плена его ужасающей отсталости»¹.

Характерные черты русской революции, таким образом, заключались, по мысли Каутского, в следующем: поскольку буржуазия не является одной из «движущих сил» революции, эта последняя не может быть охарактеризована как «буржуазная» с политической точки зрения. Но поскольку пролетариат в связи с общей отсталостью страны слишком слаб в экономическом отношении, целью революции не может быть установление диктатуры пролетариата. Отсюда и задача рабочих выступать в роли политического гегемона революционной демократии, опирающейся прежде всего на союз с крестьянством, несоциалистические интересы которого необходимо соблюдать. Социализм может претвориться в действительность лишь в результате усилий по модернизации экономики, которые станут возможными благодаря установлению революционной демократии. Тогда-то пролетариату нужно быть готовым к конфликту интересов с крестьянством, что типично для развитых стран². «По-видимому, — заключал он, — невозможно, чтобы нынешняя революция в России уже привела к установлению социалистического способа производства, даже в том случае, если она временно приведет социал-демократию к власти»³.

Как мы уже говорили, влияние российских методов борьбы на какое-то время побудило Каутского открыто поставить вопрос о необходимости пересмотра тактики, освященной решениями съездов германской социал-демократии. В особенности подтолкнули его к этому «уроки Москвы», то есть вооруженного восстания московского пролетариата в декабре 1905 года. 28 января 1906 года Каутский написал для «Форвертс» статью «Перспективы русской революции», в которой

¹ "Triebkräfte und Aussichten der russischen Revolution". — In: Ivi., XXV, 1906—1907, B. I, S. 324—327.

² Ibid., S. 329—331.

³ Ibid., S. 333.

указывал на необходимость «пересмотреть высказанное Энгельсом в предисловии к Марксовой работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» мнение, что эпоха баррикадных боев окончательно ушла в прошлое». В самом деле, в Москве массовые политические выступления сочетались со стачкой, «подрывающей дисциплину в войсках» и создававшей перспективы, благоприятные для развития революции. Те же положения были повторены Каутским в октябре 1906 года в предисловии ко второму изданию «Социальной революции»; совсем не исключено, утверждал он, что событиям, происшедшим в Москве, суждено повториться в Западной Европе¹.

5. Роза Люксембург: «уроки» России

Важная роль в дебатах о массовой забастовке и русской революции принадлежит голландке Генриетте Роланд-Гольст, автору уже упоминавшейся работы «Всеобщая забастовка и социал-демократия», увидевшей свет в июне 1905 года. Для массовой политической забастовки, направленной на достижение политических целей с помощью «мобилизации экономической мощи пролетариата», указывала в своей работе Роланд-Гольст, существуют две следующие основные предпосылки: 1) соглашение между партией и профсоюзами, без которого забастовка может обернуться «крайне опасным экспериментом»; 2) понимание того, что забастовка не может быть плодом надуманного решения, поскольку по самой сути своей она является результатом «взрыва долго накапливавшихся негодования и революционной энергии». Относительно же условий возникновения такой забастовки автор отмечала, что всеобщая забастовка может разразиться скорее в такой стране, как Россия, где рабочие не располагают политическими правами, и в частности правом на создание собственных объединений, чем в странах типа Германии. Здесь всеобщая забастовка, писала Роланд-Гольст в согласии с Каутским, может служить «лишь первым шагом к решающей борьбе»².

Размышляя об «уроках» русской революции, голландская социалистка в ходе развернувшейся в 1905 году дискуссии о применимости русского опыта к Западной Европе, заняла позиции, почти совпадавшие с позицией Розы Люксембург. На страницах «Нойе цайт» и «Форвертс» она разъясняла актуальность проведения массовой политической забастовки на Западе и, более того, указывала на наличие там наилучших условий для этого. Она подчеркивала, что вопрос о револю-

¹ K. Kautsky. Die soziale Revolution. Berlin, 1907, S. 5—6.

² H. Roland-Holst. Generalstreik und Sozialdemokratie. Dresden, 1905.

ции поставлен на повестку дня: «Русская революция происходит в такую эпоху, когда во всех главных странах борьба социал-демократии приблизилась к тому, чтобы превратиться из борьбы за то или иное право в борьбу за государственную власть»¹.

В предисловии ко второму изданию ее книги «уроки» русской революции рассматривались с точки зрения их всемирно-исторического значения для борьбы пролетариата. Массовые забастовки, писала она, можно сравнить с последовательно сменяющимися одна другую волнами осаждающих, идущих на приступ крепости консерватизма. Сама природа массовой забастовки такова, что в ней неразрывно сочетаются политический и экономический аспекты. Подобного рода массовое движение, указывала Роланд-Гольст (и здесь мы касаемся решающего пункта ее анализа), имеет своим результатом ослабление и революционизирование военно-карательной машины путем размывания скрепляющей ее дисциплины.

В конечном счете автор приходила к заключению, что политическая забастовка русского типа глубоко изменила саму перспективу применения этого средства на Западе по сравнению с тем, что раньше считалось возможным достичь с ее помощью. Россия, по сути дела, доказала, что массовая политическая забастовка представляет собой «самое острое оружие борьбы», каким располагает западный пролетариат для противодействия «в решающие часы государственному аппарату власти». В своем оптимизме Роланд-Гольст доходила до утверждения, что именно на Западе массовая забастовка способна дать максимальный эффект, ибо в развитых странах Запада армия, с массами призванных в ее ряды социал-демократически настроенных трудящихся, еще более, чем в России, может быть «революционизирована» с помощью «народного революционного движения»².

Вышедшая в июне книга Роланд-Гольст получила горячее одобрение Розы Люксембург, которая, однако, высказала весьма примечательное критическое замечание: на ее взгляд, в очерке был «слишком сильный упор на момент организации и дисциплины и недостаточно сильный — на исторически обусловленный процесс усиления классовых противоречий», а также чрезмерно подчеркивалось использование массовой политической стачки в оборонительных целях³. Эти критические замечания очень характерны для всей поста-

¹ H. Roland-Holst. Proletarisches Bewusstsein und Revolution. — In: "Neue Zeit", XXIV, 1905—1906, B. I, S. 215.

² H. Roland-Holst. Der politische Massenstreik in der russischen Revolution. — In: "Neue Zeit", B. II, S. 214, 221.

³ H. Roland-Holst. Rosa Luxemburg: ihr Leben und Werken. Zürich, 1937, S. 219.

новки Розой Люксембург вопросов о массовой забастовке и об «уроках» русской революции. Можно утверждать, что весь анализ Розы Люксембург целиком был подчинен именно раскрытию того смысла, который «усиление классовых противоречий» получает в массовой борьбе — борьбе, невиданный пример которой явила русская революция.

В центр своей теоретической разработки в 1905—1906 годах Роза Люксембург поставила узловые вопросы соотношения между массовой борьбой и ролью организации, между условиями в России и в Германии. Стержневой ее тезис может быть схематически сформулирован следующим образом. Массовая забастовка русского типа лишь наиболее острое проявление метода борьбы, который имеет универсальное значение в силу противоречий между трудом и капиталом в революционную эпоху, то есть в эпоху, когда революция — при всех ее специфических национальных различиях и общих моментах — становится интернациональным процессом. Целью массовой забастовки русского типа является не борьба за демократию, а борьба за социализм. Борьба за демократию и в России служит не целью, а средством. Стимул к революционному действию есть плод социальных противоречий, который, следовательно, рождается на основе стихийности, охватывающей своим влиянием всех эксплуатируемых, как организованных, так и неорганизованных. Роль социал-демократической партии состоит в том, чтобы сознательно направлять этот объективный процесс, который нельзя ни искусственно вызвать к жизни, ни остановить. Коренная особенность русской революции заключается в том, что перед ней стоят промежуточные цели буржуазно-демократического типа, а ее ведущей силой является социалистический пролетариат, национальная политическая позиция которого связана с исходом пролетарских битв в развитых странах в международном плане. Отныне целью этих битв может быть только построение социализма. В подобной перспективе массовая забастовка становится уже не оборонительным оружием, а наступательным, ведущим к столкновению с капиталистическим государством.

Восток выступает учителем революции по отношению к Западу. Историческая миссия Запада в эпоху, открытую русской революцией, состоит в том, чтобы воссоединиться с Востоком, замкнув революционный круг. С самого начала революции Люксембург подчеркивает следующее обстоятельство: «Исходная точка грядущей революционной волны переместилась с Запада на Восток». Однако и Германия с началом грандиозной стачки в Руре вступила в полосу брожения, так что «капиталистический мир, а стало быть, и международная классовая борьба, похоже, окончательно вышли из фазы застоя, из затянувшегося периода парламентских пере-

бранок». Вновь выходят на авансцену «активные основные революционные силы из недр современного общества»¹. «Восстание российского пролетариата» является поэтому «новым феноменом», «усвоение» которого международная социал-демократия должна поставить себе задачей². Главное, что Люксембург сразу же хочет донести до понимания немецких социал-демократов, так это то, что действия масс в России представляют собой не «восточный бунт», а «современную революцию»³. Именно тот факт, что русская революция имеет характер современной революции, дает основание полностью и категорически отклонить все доводы, которые так или иначе исходят из различий между российскими условиями и условиями в развитых странах (именно эти доводы, как мы видели, были главными в арсенале профсоюзных лидеров и ревизионистов). «Основной вопрос, — писала Люксембург 1 мая 1905 года, — заключается как раз в следующем: нужно ясно и глубоко осознать, что революция, происходящая ныне в царской империи, будет мощным источником ускорения интернациональной классовой борьбы, которое весьма быстро поставит нас также и в странах «старой» Европы перед революционными ситуациями и новыми тактическими задачами»⁴.

По мере того как революция в России разрасталась, анализ Розы Люксембург становился более продуманным, емким. В России 1905 года, по ее мысли, главным образом благодаря русским рабочим происходило возрождение изначального, революционного духа марксизма. Самим ходом своего развития русская революция «буквально» возвращала к жизни старую, столь пренебрежительно отброшенную «схему» марксизма, то есть Марксову политику времен «Манифеста Коммунистической партии» и мартовской революции 1848 года⁵. В силу этого русская революция, по мнению Люксембург, обретала значение теоретического возрождения марксизма и, следовательно, требовала от западного рабочего движения пересмотра собственной стратегии. Отсюда неизбежный вывод (ему суждено было вызвать самую ожесточенную реакцию тех, кто в рядах социал-демократической партии отвергал «уроки» России) о том, что и в Германии, если понадобится, нужно быть готовыми противопоставить правящим классам тот же «революционный идеализм», образец которого демонстрировали русские рабочие⁶.

¹ R. Luxemburg. Die Revolution in Russland. — In: "Gesammelte Werke" (в дальнейшем — In: GW). Berlin, 1974, B. 1/2, S. 477.

² R. Luxemburg. Nach dem ersten Akt. — In: GW, S. 523.

³ R. Luxemburg. Der Bittgang des Proletariats. — In: GW, S. 523.

⁴ R. Luxemburg. Im Feuerscheine der Revolution. — In: GW, S. 539—540.

⁵ См.: R. Luxemburg. Nach dem Bankrott des Absolutismus (RRSDP, II/4, S. 818).

⁶ См.: R. Luxemburg. Agrarier und Revolution (RRSDP, II/4, S. 928).

На одной из конференций в декабре 1905 года Люксембург утверждала, что русская революция «доказала», что массовая забастовка «стала исторически необходимой рабочему классу», а следовательно, момент ее применения неизбежно наступит и в Германии¹. Подводя итоги 1905 году, она писала, что это был год великой борьбы и политических успехов повсюду в Европе: прежде всего в России, но также и в Италии, где вспыхнула крупнейшая забастовка железнодорожников, во Франции, где происходил процесс объединения социалистов, в Англии, где усилилось влияние социалистов на профсоюзы и рабочее движение обрело новую политическую самостоятельность, в Австро-Венгрии, где развернулась борьба за всеобщее избирательное право. «Историю человечества всколыхнули родовые схватки, намечаются контуры новых общественных порядков: рождается новое». В этой обстановке интернациональная задача германской социал-демократии состояла в том, чтобы выполнить «собственный всемирно-исторический долг в качестве авангарда»².

В своем анализе русской революции 1905 года и ее международного значения Роза Люксембург предприняла усилия разрешить главный теоретический вопрос, который можно определить так: каким образом методы борьбы пролетариата столь отсталой страны, как Россия, могут обрести общемировую значимость и применимость даже по отношению к западному пролетариату? Чтобы ответить на этот вопрос, объясняет Люксембург, необходимо понять природу русской революции. Свое мнение по этому поводу она изложила в основном в статье, опубликованной в «Нойе цайт» через несколько дней после «кровавого воскресенья». Россия, говорится в этой статье, самая отсталая в Европе страна с политической точки зрения. В ней нет современной буржуазии, способной повести борьбу с царизмом и удерживать под своей гегемонией пролетариат. Отсутствует в ней и та мелкая буржуазия, которая «во всех минувших революциях нового времени играла главную руководящую роль». Российская буржуазия цепко держится за «реакционный консерватизм», она не является либеральной. Либерализм служит знаменем дворянско-помещичьему классу, страдающему от государственности и стремящемуся лишь к свободной торговле.

Вследствие этого единственным подлинно революционным классом является промышленный пролетариат, а единственной революционной идеологией — социал-демократическая: «вопреки всем ходячим мнениям, нынешняя русская револю-

¹ *R. Luxemburg*. Aus der Frauenbewegung. Der politische Massenstreik. — In: "Vorwärts", 8. XII. 1905.

² *R. Luxemburg*. Neues Jahr, neue Kämpfe (без подписи). — In: "Vorwärts", 31. XII. 1905.

ция носит более выраженный пролетарский характер, чем все происходившие до сего дня революции».

Но во имя каких же целей может сражаться этот пролетариат? Здесь-то и коренится присущее России противоречие. С одной стороны, из-за отсталости российского общества цели революции не могут выйти за пределы «создания буржуазно-демократического государственного устройства». С другой же стороны, наличие уже развитого промышленного пролетариата в стране без демократической буржуазии и при наличии революционной мелкой буржуазии ведет к тому, что лишь рабочие могут в политическом плане возглавить борьбу с самодержавием¹. Конечно, нетрудно предвидеть, что политическую власть возьмет в свои руки буржуазия. Но ее власть оказалась бы в таком случае далеко не полной: послереволюционная ситуация «с самого начала» будет отмечена «глубокими разногласиями», обусловленными тем, что буржуазия получила власть не благодаря собственной силе, а благодаря силе пролетариата², который с первых же шагов завоевал в революции «положение руководящего класса»³.

Пролетарский характер революции проистекает, кроме того, не только из факта участия в ней трудящихся масс в качестве ее материальной силы, но и из форм борьбы, присущих пролетариату (массовых выступлений), и двойственности ее целей — борьба ведется не только против политического абсолютизма, но и против экономической эксплуатации. Это, следовательно, одновременно политическая борьба против самодержавия и экономическая антикапиталистическая борьба. Массовая же забастовка выступает как «синтез этих двух моментов»⁴. Политические свободы, республика, гражданские права — за это борются русские рабочие, и это означает свержение самодержавия — являются не целями как таковыми, когда их осуществление приведет к установлению некой буржуазной «нормальности», а способами создания «средств борьбы с буржуазией»⁵.

В конце 1905 года Роза Люксембург еще раз подчеркивала, что Россия «не созрела для построения социалистического государства», однако революционный процесс дал пролетариату сознание «собственной силы и собственных интересов» и поставил на повестку дня глубокое преобразование отношений собственности в деревне. Отсюда вывод: «отныне возможен лишь либерально-демократический строй с прочной

¹ R. Luxemburg. Die Revolution in Russland. — In: GW, B. I 2, S. 479—480.

² Ibid., S. 514.

³ Ibid., S. 515.

⁴ R. Luxemburg. Eine Probe aufs Exempel. — In: GW, B. I 2, S. 530.

⁵ "Rosa Luxemburg über die russische Revolution". — In: "Leipziger Volkszeitung", 29. IX. 1906.

социально-политической базой»¹. Важно отметить, что весь анализ проводился с глубоким убеждением — которое не мог поколебать исход Московского восстания, — что «реакция теперь не может одержать победу». Даже если бы реакция и добилась установления военной диктатуры, утверждала Люксембург в статье от 22 декабря, подобный режим смог бы продержаться лишь очень недолго².

Итак, если русская революция была «буржуазной» с точки зрения своих возможных институциональных перспектив, она была пролетарской по своим средствам: пролетариат в ней боролся самостоятельно и собственными средствами. Классическое же пролетарское средство — массовая забастовка, которая теперь выступала в качестве окончательно доказанной формы революционного процесса, правомерного для всех стран, где рабочие ведут борьбу, имея перед собой перспективу завоевания власти. Не следует, однако, думать, будто для Розы Люксембург революционный процесс совпадал с массовой забастовкой. Подобная забастовка была для нее лишь этапом, столь же необходимым, сколь и определенным, по завершении которого предстояла окончательная, возможно, вооруженная схватка с государственной властью. Массовая забастовка была необходима для того, чтобы решить три чрезвычайно важные задачи: добиться установления самого широкого единства организованных и неорганизованных трудящихся, вызвать политико-экономический кризис в лагере противника, создать условия растущей самоорганизации масс. Партия не может ставить себе задачей отдавать по собственному умотрению приказы о начале революции, переходе к той или иной ее фазе либо ее окончании. Не может она и провозглашать массовые забастовки или извне устанавливать для них задачи. Задача партии — быть сознательной частью процесса, двигателем которого являются социальные противоречия. «Подлинная революция, массовое движение никогда не бывают и не могут быть искусственным результатом сознательного руководства и заранее спланированной агитации». На «руководство» революцией можно влиять лишь в той мере, в какой удастся разъяснить массам, в чем состоят задачи революционных классов и каково действительное положение в обществе. Можно, разумеется, «ускорить взрыв революции», используя ту или иную конкретную ситуацию, но, конечно, не следует создавать иллюзий, будто можно руководить революцией и тем более начальной фазой ее развития³.

¹ R. Luxemburg. Neues Jahr, neue Kämpfe. — In: "Leipziger Volkszeitung", 31. XII. 1905.

² R. Luxemburg. Vor der Entscheidungsschlacht (без подписи). — In: "Vorwärts", 21. XII. 1905.

³ R. Luxemburg. Die Revolution in Russland. — In: GW, S. 510—511.

Отталкиваясь от этой общей предпосылки, Роза Люксембург решительно атаковала тех, кто полагал, что можно планировать условия больших массовых движений. Всеобщая забастовка, которую она определяет как «первый шаг, естественную начальную форму всякого открытого массового действия и, кроме того, всякой современной уличной революции, в России была не плодом абстрактной пропаганды, а результатом конкретных социальных противоречий. Она вспыхнула в России при отсутствии всех тех условий, которые педантичные теоретики германской социал-демократии указывали в качестве предпосылок массовой забастовки: сильных профсоюзных организаций, свободы объединений, крупных стачечных фондов, широкой классовой организации с влиятельным руководством и крепкой дисциплиной, слабой военщины. Русская революция продемонстрировала тем самым, с одной стороны, могущество массовой забастовки, а с другой — ее характер как новой модели для всех, тем более убедительной, что успех был одержан в наименее благоприятных условиях. В силу всего этого «революция, происходящая ныне в царской империи, представляет собой новое явление, по-видимому, гораздо более типичное для грядущих революционных битв европейского пролетариата, чем предыдущие буржуазные революции во Франции и Германии». Эта модель подтверждала также, что массовая забастовка есть лишь «начальная фаза» революции¹. Хотя ее возражение противников массовой забастовки состояло в том, что такая форма борьбы действительно представляла собой «начальную фазу», но только в смысле перехода к использованию армии в карательных целях. Роза Люксембург отвечала на это — и ее доводы стали также доводами Каутского и Роланд-Гольст, — что вопрос об армии может рассматриваться только в связи с последствиями крупных массовых выступлений, их прямым воздействием и на солдатскую массу. «Серьезное массовое действие», считала Роза Люксембург, может быть предпринято лишь «в революционной ситуации — той, что уже привела в состояние брожения всю страну, всю массу народа». Русский пример доказывает, что революционный процесс создает условия и для решения самого вопроса об использовании армии в карательных целях, ибо подлинное революционизирование масс охватывает также солдат и закладывает предпосылки ослабления, а в предельном случае и разложения вооруженных сил².

На последний из великих «уроков», преподанных русской

¹ *R. Luxemburg. Eine Probe aufs Exempel.* — In: *GW*, S. 530—531.

² См.: *R. Luxemburg. Die Lösung der Frage.* — In: *GW*, S. 621—622. См. также: «*Parteitag der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands vom 23 bis 29 September 1906 in Mannheim*». — In: *GW*, B. II, Berlin, 1972, S. 172.

революцией — способность масс к самоорганизации, — Роза Люксембург опиралась, когда выступала против умеренных позиций профсоюзных вождей, а также против того, что можно было бы назвать их организационным фетишизмом. Подобные взгляды, разумеется, более всего усиливали враждебность профсоюзных лидеров и ревизионистов к польской революционерке. На партийном съезде в 1905 году Люксембург обратилась к сторонникам «фетишистского» преклонения перед организацией масс сверху с призывом «учиться у русской революции». «Массы, — утверждала она, — вступили в революцию, почти не обладая даже зачатками профсоюзной организации, ныне же они шаг за шагом укрепляют свою организацию путем борьбы». Затем она переходила к восхвалению самоорганизации, рождающейся из самого опыта борьбы. «В самом деле, совершенно механистической и антидиалектической является концепция, согласно которой необходимая предпосылка борьбы есть наличие крепких организаций. Между тем, наоборот, организация порождается самой борьбой вместе с сознанием, проистекающим из участия в этой борьбе»¹.

Прослеженный нами ход мысли Розы Люксембург получил в 1906 году свое законченное и убедительное выражение в ее книге «Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия» — этом мощном артиллерийском залпе по позициям лидеров германских профсоюзов. Критика Люксембург наиболее ярко проявилась в основном разделе книги, где утверждается необходимость того, «чтобы немецкие рабочие научились рассматривать русскую революцию как свое собственное дело не только в смысле интернациональной классовой солидарности с русским пролетариатом, но прежде всего как главу своей собственной социальной и политической истории»². Исходя из этой точки зрения, Люксембург заявляла, что русская революция и ее методы борьбы, пусть даже «в особых условиях самодержавной России», выражают «общие итоги международного капиталистического развития» и что, следовательно, антишаристская революция порождена не различием Востока и Запада, а, наоборот, выступает «предтечей новой череды пролетарских революций на Западе»³, поскольку происходит в эпоху надвигающегося «обострения классовых противоречий» также и в Западной Европе⁴. Продемонстрировав «впервые в истории классовой борьбы величественное осуществление идеи массовой забастов-

¹ "Parteitag der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands vom 17 bis 23 September 1905 in Jena". — In: GW, B. I/2, S. 603.

² R. Luxemburg. Massenstreik, Partei und Gewerkschaften. — In: GW, B. II, S. 150.

³ Ibid., S. 149—150.

⁴ Ibid., S. 101.

ки», русская революция открыла «новую эпоху в развитии рабочего движения»¹. Мало того, Люксембург пускала в профсоюзных вождей самую отравленную из стрел: массовые выступления в России доказали, что революционный процесс ломает любые перегородки между организованными и неорганизованными рабочими, вследствие чего необходимо положить конец «недооценке неорганизованных пролетарских масс и их политической зрелости»². Весь этот свой анализ она завершала наконец идеей о том, что отныне на повестку дня в Германии в качестве единственно возможной исторической цели для рабочего движения становится диктатура пролетариата. В Германии, писала она, «нельзя уже говорить о буржуазной революции», поскольку либерализм и буржуазная демократия как явления исчерпали себя. «Поэтому в Германии в период открытой народной политической борьбы единственной исторически необходимой целью, о которой идет речь, отныне является только диктатура пролетариата»³.

В своих выступлениях на Лондонском съезде русско-социал-демократической партии в мае 1907 года Роза Люксембург, несмотря на поражение революции в царской империи и поражение германской социал-демократии на январских выборах 1907 года, подтвердила эти взгляды, обобщив их до масштабов «всей Западной Европы». Согласно этим взглядам, коль скоро буржуазия перестала выполнять прогрессивную политическую роль⁴, русская революция представляет собой первый акт «грядущих пролетарских революций» и немецкий пролетариат смотрит на русских как на людей, «расширивших и углубивших перспективы пролетарской тактики»⁵.

6. Парвус: русская революция и рабочая демократия

В обзоре главных аналитических подходов в Германии к русской революции и ее последствиям для Запада нельзя не упомянуть позиции русского эмигранта Александра Гельфанда, более известного под псевдонимом Парвус. Получив германское гражданство и обосновавшись в Мюнхене, он принял активное участие в дискуссии о ревизионизме в конце XIX века и стал одним из самых видных публицистов радикального крыла Германской социал-демократической партии. Одновременно он продолжал активно участвовать и

¹ Ibid., S. 95.

² Ibid., S. 144.

³ Ibid., S. 153.

⁴ См.: "Parteitag der SDAPR 1907 in London".—In: GW, B. II, S. 216.

⁵ Ibid., S. 213.

в идеологической борьбе в рядах русской социал-демократии, а в 1905 году отправился в Россию и принял участие в революции. Парвус выступил в «Искре» с серией важных статей, в которых, разбирая последствия русско-японской войны, уже в 1904 году предсказал историческую неизбежность революции. Примерно в 1905 году он заложил основы той теории «перманентной революции», благодаря которой — в частности, и как вдохновитель Троцкого — он занял видное место в истории марксистской мысли. В германской социал-демократической печати он опубликовал несколько крупных очерков, в которых делал упор на три основных момента: 1) русскую революцию следует рассматривать одновременно как результат противоречий международного капитализма и как фактор, порождающий в нем новые противоречия; 2) внутренняя динамика русской революции такова, что она не допускает прочной консолидации на буржуазной политической основе; 3) Советы — и здесь мы встречаемся с элементом, совершенно новым даже по сравнению с высказываниями Люксембург, — представляют собой зародыш новой формы государственной организации.

Как мы видели, анализ специально русской революции велся в немецкой печати в рамках более широкого анализа, основными объектами которого были, с одной стороны, всеобщая забастовка в качестве нового пролетарского оружия, а с другой — тенденция капитализма порождать межимпериалистические конфликты, служащие в свою очередь предвестниками социальных революций.

Выступая в дискуссии о всеобщей забастовке задолго до вспышки революции в России и, следовательно, задолго до «уроков», преподанных грандиозными массовыми выступлениями в России, Парвус сформулировал теоретический тезис о том, что всеобщая забастовка представляет собой специфическую форму, с которой должен был начаться пролетарский революционный процесс. «Всеобщая забастовка, — писал он в августе 1904 года, — будучи массовой политической забастовкой, обращена не против экономической власти класса капиталистов, а, скорее, против политической власти капиталистического государства». Ее цель — «дезорганизация государства» — достигается благодаря параличу «наиболее важных отраслей производства и средств сообщения». Вместе с тем цель всеобщей забастовки заключается также в том, чтобы деморализовать противника и вызвать энтузиазм у пролетариата. Отсюда вывод: «В этом смысле всеобщая забастовка есть не что иное, как революция без обращения к оружию». Прежние революции выражались в форме нападения на правительство, и неслучайно они совершались по преимуществу в столицах. Всеобщая же забастовка «направлена против государства», и происходит она во всей стране. Помимо это-

го, прежние революции имели предпосылкой «общее недовольство правительственной политикой». Всеобщая же забастовка имеет предпосылкой «развитие профсоюзов и социал-демократического движения, а также распространение социалистических идей в армии». Следовательно, «всеобщая забастовка есть пролетарская революция»¹.

Высказав положение о всеобщей забастовке как новой форме пролетарской революции, Парвус с настойчивостью стал проводить мысль о реальности военной опасности и революционным отражении ее пролетариатом. Комментируя в «Лейпцигер фольксцайтунг» в октябре 1905 года откровения Делькассе о том, что в связи с последствиями марокканского кризиса Европа оказалась под угрозой возникновения мировой войны, Парвус проанализировал причины военной угрозы в современном ему мире. Глубокие причины общеевропейской войны, писал он, коренятся не в тех или иных изменениях международной политической «конъюнктуры», а в милитаризме, который питают как завоевательские стремления аристократии, так и капиталистические интересы фабрикантов оружия. Мы вступили в период возросшей напряженности и войн, из чего следует, что «нас ожидает война, хотя мы пока не знаем, где она разразится». Царивший пока мир был «миром, основанным на страхе». Между тем признаки надвигающейся мировой войны отчетливы и вызывают тревогу: китайско-японская, испанно-американская войны, война с бурами, русско-японская война. Факторами, подготавливающими новую войну, являются: превращение Германии в морскую державу, превращение Соединенных Штатов в еще одно милитаристское государство, обострение борьбы против мирового господства Великобритании в торговле. Такова обстановка, в которой пролетариат не может ожидать ничего хорошего от равновесия сил капиталистических держав. «Единственная возможность предотвратить мировую войну — это противопоставить ей революционную оппозицию европейского пролетариата»². Задача пролетариата, разумеется, не пассивно ждать начала войны, а попытаться предотвратить ее. Если же войне все же суждено вспыхнуть, то ответом рабочего класса должно стать «развязывание революции»³.

Русскую революцию Парвус рассматривал в рамках этого международного процесса, этой диалектической связи империализма с революцией в общемировом масштабе. Она выступала в качестве специфического аспекта куда более

¹ Parvus. Über den Generalstreik. — In: "Leipziger Volkszeitung", 23. VIII. 1904.

² Parvus. Die Kriegsgefahr. — In: "Leipziger Volkszeitung", 17. X. 1905.

³ Parvus. Unsere Agitation gegen den Krieg. — In: "Leipziger Volkszeitung", 18. IV. 1905.

общего явления. Революция в России, следовательно, рождалась как детище мировой капиталистической системы, и именно на всю эту систему в целом ей суждено будет оказать воздействие, обострив конфликт между капитализмом и пролетариатом в международном масштабе. В статьях 1904 года в «Искре» Парвус предвидел революцию в России и завоевание российским пролетариатом роли «авангарда» международного социалистического движения. Русско-японская война, писал он, стала борьбой за гегемонию в Восточной Азии: ей суждено поколебать исторические позиции царизма и отразиться на соотношении сил между всеми странами. Все это в свою очередь изменяет соотношение сил между капитализмом и пролетариатом на общем мировом уровне.

«Всемирный процесс капиталистического развития ведет к политическому восстанию в России, а это должно оказать свое воздействие на политическое развитие капиталистических стран повсюду в мире. Русская революция потрясает политические основы капиталистического мира, русский пролетариат может завоевать роль авангарда социальной революции»¹.

Через несколько дней после «кровавого воскресенья» (22 января 1905 года) Парвус указал на факторы динамики уже начавшейся в России революции. Его главный тезис гласил, что русскому пролетариату нужно добиваться единства своих рядов и полной самостоятельности по отношению к любым другим политическим силам. Его задача никоим образом не может заключаться в политике союзов, которая подчинила бы его чужим интересам и ограничила бы его независимость. Борьба с царизмом знаменует начало более общей борьбы против буржуазии,— борьбы, которой суждено продолжаться. «Рабочий класс должен знать, что революция и свержение самодержавия никоим образом не тождественны; что для того, чтобы довести до конца революционное восстание, рабочий класс должен сначала сразиться с самодержавием, а потом—с буржуазией». Самое важное для пролетариата — сохранять «независимость собственной организации, ее реальную самостоятельность по отношению ко всем остальным политическим течениям». Отсюда пять заповедей революционного пролетариата (содержащих в зародыше теорию «перманентной революции»): «1) не смешивать организации; идти порознь, а бить вместе; 2) не отказываться от собственных политических требований; 3) не скрывать различия в интересах; 4) следить за союзниками, как за врагами; 5) больше стремиться к использованию ситуации, созданной борьбой, чем заботиться о сохранении союзников».

¹ Цит. в: W. B. Scharlau, Z. A. Zeman. *Freibeuter der Revolution: Parvus-Helphand, eine politische Biographie*. Köln, 1964, S. 71.

Если социал-демократия не хочет потерять доверия рабочих, она не должна бояться притязаний на политическую власть. Парвус поэтому отвергал всякую перспективу прихода буржуазии к кормилу правления: лишь социал-демократия может стать силой правления, соответствующей моменту, причем стать ею не для «социалистических преобразований», для которых пока нет экономических предпосылок, а для создания «демократической республики», опирающейся на «революционную армию рабочих»¹.

Рассматривая события под таким углом зрения и разъясняя в августе 1905 года на страницах газеты баварских социал-демократов смысл происходящей в России революции, Парвус резюмировал свою мысль следующим образом. Революция, по его словам, должна привести к трем главным результатам: превращению пролетариата в независимую силу; завоеванию политических свобод как условия независимой деятельности социал-демократии; созданию демократического строя как базы для нового и более широкого революционного процесса в социальном смысле².

Наиболее важными аналитическими работами Парвуса, опубликованными в германской печати, являются статьи в «Нойе цайт» (декабрь 1905—апрель 1906 года). Первая из них (без подписи) перепечатана из русского социал-демократического журнала «Начало» и озаглавлена «Задачи социал-демократии»; заглавие хорошо отвечало программному характеру этой статьи. Ее центральным пунктом было переплетение непосредственных задач русского пролетариата и его более отдаленных целей,— переплетение, подчеркивающее неразрывную связь буржуазной и послебуржуазной фаз этой революции. «Непосредственной революционной целью» русского пролетариата, рассуждал Парвус, является уже не построение политического строя, управляемого буржуазией, а создание государственного порядка, в рамках которого «было бы гарантировано удовлетворение требований рабочей демократии». Чрезвычайно интересное определение Парвус давал понятию «рабочая демократия». Оно интересно, в частности, тем, что в нем четко указываются, так сказать, методологические основы процесса «перманентной революции». «Рабочая демократия,— писал Парвус,— содержит в себе все наиболее радикальные запросы буржуазной демократии, но вместе с тем придает некоторым из них особый характер и добавляет к ним новые, чисто пролетарского

¹ Parvus. Vorwort zu Troztkis Broschüre, Bis zum 9 Januar 1905". — In: W. B. Scharlav, Z. A. Zeman. Freibeuter der Revolution: Parvus-Helfhand, eine politische Biographie, S. 354—358. В приложении к этой книге содержится полный текст этого предисловия.

² Parvus. Die russische Revolution und die Arbeiter. — In: "Münchener Post", 6—7. VIII, 1905.

свойства». Одним словом, пролетариат стремится использовать присущие буржуазной демократии свободы для увеличения собственной классовой организованной мощи в целях социальной борьбы. По мере развития этого процесса он создает свои организации, которые с точки зрения форм выходят за традиционные границы буржуазной демократии, а с точки зрения содержания отражают самый ход борьбы за социальную революцию, направленную против капитала.

«Речь пока не идет, — писал Парвус, — о диктатуре пролетариата, задача которой — в корне изменить производственные отношения в стране, однако это уже шаг за рамки буржуазной демократии. Мы еще не можем считать своей задачей превращение буржуазной революции в революцию социалистическую. Но еще менее необходимым мы считаем подчинение наших задач буржуазной революции... Наша задача — расширить границы буржуазной революции; действуя внутри нее, как можно дальше продвинуть интересы пролетариата и в пределах буржуазного общественного строя создать как можно более широкую базу для революционного преобразования общества». Иначе говоря, речь идет об использовании буржуазного либерализма в самостоятельных целях пролетариата.

Главный фактор, который, по мнению Парвуса, помешает «консолидации буржуазного строя» в России, заключается в своеобразном переплетении классовых интересов буржуазии, рабочих и крестьянства. В России капитализм уже не в силах обеспечить решение крестьянского вопроса: это и было тем решающим элементом, из-за которого революция становилась крайне «запутанной» и получала характер длительного процесса. В качестве руководящей политической организации пролетариата социал-демократия выступает как единственная сила, которая в состоянии удовлетворить крестьянские запросы, ибо она представляет собой единственную силу, способную «изменить производственные отношения таким образом, чтобы освободить все слои трудящихся масс от эксплуатации». Если верно то, что русский капитализм не в состоянии разрешить крестьянский вопрос, если это препятствует построению прочного буржуазного политического строя, если один лишь пролетариат способен освободить крестьянство от эксплуатации, то не менее истинным было для Парвуса и то, что социал-демократия не может стремиться к созданию политического порядка, отвечающего мелкособственническим чаяниям крестьянства. По его убеждению, социал-демократия призвана воспрепятствовать возврату вспять, «возврату к прежним формам экономичес-

! "Die Aufgaben der Sozialdemokratie Russland". — In: "Neue Zeit", XXIV, 1905—1906, B. I, S. 455—456.

ких отношений». Социалисты должны направить революционный порыв крестьянства «в русло социалистических преобразований»¹. Этим исключалась возможность равноправного союза рабочих и крестьян в политической области, и первые по необходимости наделялись приоритетом в разработке стратегии и в руководстве. Порожденная воздействием международного капиталистического развития на Россию, русская революция предназначена в свою очередь повлиять на Запад. «Успехи» рабочей демократии в России, писал Парвус, «могут вызвать в Западной Европе решающие битвы между социал-революционными организациями пролетариата, с одной стороны, и государственной властью — с другой»².

Вторая статья, опубликованная Парвусом в «Нойе цайт», была специально посвящена концепции рабочей демократии. Там поднималась еще одна тема, остававшаяся практически не освещенной в работах немецких авторов, анализировавших русскую революцию. Парвус привлекал внимание к Советам как новой, специфической форме рабочей демократии и зачатку перманентной контровласти. Самообытная черта Петербургского Совета рабочих депутатов, подчеркивал Парвус в статье «Современное политическое положение России и будущие перспективы», заключается в непохожести этого Совета на какие бы то ни было организации прошлого, ставившие своей целью борьбу с правительством. С Советами возникла «впервые организация, действующая не только в разрушительных, но и в созидательных целях», организация нового типа, способная — что самое главное — «приступить к строительству государства». Важность этого наблюдения определялась уже тем, что в нем прозорливо предвосхищалась та аргументация, которая в дальнейшем, после 1917 года, будет нескончаемое число раз приводиться в поддержку советской стратегии. Петербургский Совет позаботился об установлении связи с организациями в других городах: тем самым был создан зародыш «массовой пролетарской партии». Рождение Советов изменяет традиционные взаимоотношения между социал-демократической партией и трудящимися массами, ставит эти отношения на существенно новую основу, создавая между партией и массами организационное посредничество, опоспособное оснастить революционный процесс мощной структурой. Социал-демократия представляет политическое сознание («программу») революции; Совет обеспечивает распространению этого сознания конкретную базу, поскольку имеет свои корни на предприятиях³, органически

¹ Ibid., S. 457.

² Ibid., S. 458.

³ Parvus. Die gegenwärtige politische Lage Russlands und die Aussichten für die Zukunft. — In: "Neue Zeit", XXIV, 1905—1906. B. II, S. 120.

выражая «интересы рабочей массы»¹. Будучи массовой организацией, Совет стал орудием постоянной мобилизации, орудием всеобщей забастовки. Партия, Совет, всеобщая забастовка — таковы, по Парvusу, три элемента современного революционного процесса, специфически пролетарской революции.

Следуя за ходом анализа Парvusа в этой статье, можно полностью оценить значение его утверждения о том, что «рабочая демократия», зародыш которой возник в России, выходит за пределы буржуазной демократии и приводит к развитию процесса «перманентной революции». Совет явился «первым подлинно представительным выборным органом народных масс», в котором начали видеть «зародыш новой государственной власти»². Однако это не только организация, выражающая интересы городского пролетариата, это нечто гораздо большее: орган политического руководства крестьянами и солдатами со стороны пролетариата³. Именно от такого революционного процесса нового типа Парvus ждал возможного разрешения кардинальной проблемы современной пролетарской революции: ликвидации карательной мощи армии путем вовлечения ее в процесс политизации, нарастающий до такого уровня, когда происходит частичное или полное разложение войск как орудия в руках враждебной трудящимся правительственной власти⁴.

7. Парvus о государстве и обществе на Востоке и на Западе

Анализируя русскую революцию, все представители радикального крыла германской социал-демократии так или иначе приходили к выводу, что эту революцию следует рассматривать как специфическое проявление революционного процесса, проявившегося уже в пределах всей Европы. Если прибегнуть к обобщенной формуле, эти авторы не противопоставляли Восток и Запад, а рассматривали их как части некоего по своим тенденциям единого целого, воссоздание которого диктовалось не только нарастанием революционных битв, развивавшихся присущими каждой из стран темпами, но и применением, в сущности, однородных форм борьбы. Общий для всех радикалов тезис о том, что массовая политическая забастовка, наиболее грандиозные образцы которой были продемонстрированы в России, представляет собой в конце концов открытую форму социальной революции, как раз и предназначался для доказательства наличия единой—

¹ Ibid., S. 110—111.

² Ibid., S. 111—112.

³ Ibid., S. 114.

⁴ Ibid., S. 119.

для Востока и Запада — основы. Эра европейских революций началась; русская революция есть эпизод, более того, основная глава этой эры.

Анализ русской революции представителями ревизионистского крыла социал-демократической партии представлял собой полную противоположность тезису радикалов. Хотя, как мы увидим, по вопросу о массовой политической забастовке между ревизионистами не было единства (в том смысле, что одни были безоговорочно против, а другие отчасти одобряли ее), все они сходились в отрицании того, что: 1) русская революция положила начало европейским революциям; 2) история поставила социализм в повестку дня; 3) в какой-то мере можно говорить о «революционном» единстве (пусть даже лишь в тенденции) между Востоком и Западом и особенно об однородности применяемых тут и там методов борьбы. Обобщая, можно заметить, что во всех высказываниях ревизионистов подчеркивались «различия» между Востоком и Западом, причем это делалось двояко: выявлялись различия в социально-экономических, а значит, и политических условиях, и, как следствие, выявлялись различия в методах борьбы. Даже те, кто, подобно Бернштейну, одобрял применение — при определенных обстоятельствах и ради определенных целей — оружия массовой политической забастовки, были в корне против того, чтобы считать ее открытой наконец формой современной социальной революции. Кроме того, ревизионисты упорно отрицали всякое уподобление деспотизма в царской России авторитаризму политической системы, созданной Бисмарком и продолжавшей существовать в кайзеровской Германии. По их мнению, целью германской социал-демократии должна была быть полная парламентская демократия, а не революционный скачок к социализму, русская же социал-демократия должна была поставить себе целью преодолеть «различия» между Востоком и Западом.

Таким образом, в ревизионистском лагере было два течения по вопросу о массовой политической забастовке. Представители первого категорически отвергали ее во имя постепенности и полной законности и третировали как разновидность анархистской всеобщей забастовки. Представители второго, напротив, принимали ее — четко отделяя, однако, от всеобщей революционной забастовки — для тех случаев, когда необходимо отстаивать демократию перед лицом реакционного переворота либо когда речь идет о расширении демократических прав. В этом последнем случае массовая забастовка никак не противопоставлялась принципу постепенности и парламентскому пути, а рассматривалась как средство давления на парламент. Можно сказать, что сторонники первого течения объединялись с профсоюзными вождями,

а второго — отмежевывались от них. Решительными противниками массовой политической забастовки были такие ревизионисты, как Эдуард Давид и Вольфганг Гейне. Сторонником ее, напротив, выступал отец теоретического ревизионизма Эдуард Бернштейн.

Мы уже знакомы с некоторыми высказываниями Давида ранее. Теперь настал момент проанализировать его позицию несколько глубже. Комментируя итоги Йенского съезда партии (где была принята резолюция в поддержку массовой забастовки), Давид указывал, что трудность заключается не в том, чтобы различать анархистскую всеобщую забастовку и массовую, а массовую забастовку и борьбу на улицах (Бebelь на съезде четко провел эти различия). Трудности носили конкретный, практический характер и заключались в том, что, вступив на путь массовой забастовки, партия заранее лишала себя возможности регулировать переход от одних фаз движения к другим со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому правомерным и реалистичным было представление о массовой политической стачке и главы профсоюзов Легина и Розы Люксембург, поскольку и тот и другая приходили в конечном счете к выводу, что такая забастовка имела революционное значение; мнения их расходились в том, что первый трактовал такой процесс как пагубный, а вторая приветствовала его в свете примера «славной русской революции». По мнению Давида, следовать нужно путем, ведущим к парламентскому большинству. «Когда мы завоем на свою сторону реальное большинство населения, — писал он, — тогда мы добьемся и той политической власти, к которой стремимся. Другого пути не существует. Ни демократию, ни социализм нельзя навязать силой. Пока большинство народа против нас, мы должны уважать его волю!»¹.

В свою очередь Гейне не колебался использовать против перспективы обращения к массовой политической забастовке разнузданную контратаку реакционных сил. Он обрушился с нападками на пропагандистов политической забастовки вроде Роланд-Гольст и всех, кто стоял на сходных с ней позициях — в первую очередь на Розу Люксембург, — обвиняя их в непонимании специфических условий, которыми определяется расстановка социально-политических сил в Германии. Самое важное — «наличие практических условий» в стране². В Германии (и здесь вновь проглядывает один из наиболее употребительных доводов ревизионистов в полемике со сторонниками «русского образца») социал-де-

¹ E. David. Rückblick auf Jena. — In: "Sozialistische Monatshefte", 1905, № 10, S. 842—845.

² W. Heine. Politischer Massenstreik im gegenwärtigen Deutschland? — In: "Sozialistische Monatshefte", 1905, № 9, S. 755.

мократия имеет против себя сильного, более того, чрезвычайно сильного противника. Силен здесь класс предпринимателей, как и военный аппарат, — одним словом, сильна вся система государственной власти. Этот противник, и в первую очередь предприниматели, в состоянии выдерживать массовую политическую забастовку значительно дольше, чем сами забастовщики. Поэтому в конечном счете результатом будет «уничтожение социал-демократии»¹. Одним словом, Гейне предостерегал: в Германии нельзя играть с огнем, ибо «наши враги располагают совершенно непреодолимыми средствами грубого подавления» и к тому же исполнены готовности пустить их в ход². А тогда в стране установится свирепый реакционный режим, опирающийся на «фанатичную военщину» и «военно-полевые суды»³. В этом смысле исходом массовой политической забастовки в Германии стала бы «ликвидация политической и профсоюзной организации» рабочего движения и проведение «реакционной политики», которая, «возможно, поставит под угрозу само будущее демократического социализма в Германии»⁴.

Различие между Востоком и Западом было темой статьи еще одного ревизиониста, Рихарда Кальвера, опубликованной также в теоретическом органе ревизионистов «Социалистиче монатсхефте». Автор не отвергал русского опыта, более того, оценивал его положительно в специфических социально-политических условиях России. Отвергалась идея применимости того, что происходило в России, к Германии и Западу. В России неосуществим был путь реформ, возможность которых имелаась, напротив, на Западе, где как раз революция выглядела «бесмысленной». В стране с деспотическим строем, вроде России, именно вследствие деспотизма «революция является ultima ratio»⁵.

Сложным и неоднозначным было в 1905 году отношение Бернштейна к массовой политической забастовке, русской революции и ее влиянию на Германию, различиям между Востоком и Западом. Накануне революции в России он проанализировал вопрос о возможности использования в Германии массовой политической забастовки. Этот анализ примечателен не только своей типичностью для бернштейннской позиции в целом, но и тем, что по данному вопросу выводы автора в точности совпадают с предложениями Бебеля на Йенском съезде. Бернштейн четко отличал анархистскую

¹ Ibid., S. 757.

² Ibid., S. 759.

³ Ibid., S. 761.

⁴ Ibid., S. 762.

* Последним доводом (*карт.*). — *Прим. ред.*

⁵ R. Galtzer. Russland. — In: "Sozialistische Monatshefte", 1905, № 2, S. 113.

всеобщую забастовку от массовой политической забастовки, которую решительно поддерживал при определенных условиях. Анархистская всеобщая забастовка соответствовала политической стратегии, ошибочной в двух важных аспектах: 1) с точки зрения средств осуществления революции недооценивались огромные ресурсы сопротивления буржуазного общества; 2) с точки зрения послереволюционного устройства успех такой забастовки привел бы к замене буржуазной собственности какой-то формой «новой корпоративной собственности». Политическая забастовка в том виде, в каком поддерживал ее Бернштейн, представляла собой, напротив, «необычайное средство давления на правительство и общественность» ради достижения конкретных, четко очерченных целей: «защиты от конкретных реакционных мероприятий или удовлетворения определенных требований»¹. Разумеется, трудности проведения массовой забастовки в Германии колоссальны. Но социал-демократия, несмотря на это, не должна отступать, если германские правящие классы попытаются урезать всеобщее избирательное право, ибо это право служит не только «единственным рычагом рабочего движения», но и условием любых успехов на пути постепенности и реформизма².

В опубликованной в 1905 году брошюре «Массовая политическая забастовка и политическое положение социал-демократии в Германии» Бернштейн сделал упор на тезис о том, что для достижения победы в массовой политической забастовке она ни в коем случае не должна вырождаться в борьбу на улицах и должна неизменно подчиняться «четко ограниченными целями»³. На Йенском съезде, последовательно поддержав предложенную Бебелем резолюцию в поддержку политической забастовки, Бернштейн уточнил, что для обеспечения успеха массовой забастовки в Германии необходимо учитывать, что наряду с реакционными силами в стране имеются «широкие слои буржуазии, не согласные с реакцией»⁴. Разумеется, в этой позиции не было и тени одобрения той концепции массовой забастовки, которую развивала Роза Люксембург. Мало того, Бернштейн также прибег к излюбленной аргументации всех ее противников, утверждавших, что «революционный романтизм» Розы Люксембург основывается на полном непонимании обстановки в Западной Европе и Германии и льет воду на мельницу реакции. Роза

¹ E. Bernstein. Ist der politische Streik in Deutschland möglich? — In: "Sozialistische Monatshefte", 1905, № 1, S. 32—33.

² Ibid., S. 35—37.

³ E. Bernstein. Der Politische Massenstreik und die politische Lage der Sozialdemokratie in Deutschland. Berlin, 1905, S. 40.

⁴ "Protokoll...", S. 314.

Люксембург, по сути дела, «мать той революционной фразеологии», реальный адресат которой — реакция ¹.

Что касается выказываний Бернштейна о русской революции, ее реальном и возможном воздействии на Германию, то тут перед нами непрерывная череда полемических утверждений, опровергающих выводы радикалов, особенно Розы Люксембург. Главные тезисы Бернштейна можно без труда резюмировать следующим образом: с одной стороны, единственный позитивный результат, который можно ждать от русской революции, заключается в преобразовании режима царской империи в демократический строй, который приведет Восток к воссоединению с Западом, с другой — Восток не может предложить Западу никакого образца, поскольку различия между ними в смысле отношений между государством и гражданским обществом носят принципиальный характер.

Русская революция, утверждал Бернштейн в апреле 1905 года, может быть «только буржуазно-либерально-демократической», ибо классовые и производственные отношения в России делают социалистическую перспективу «безнадежной утопией»². Задача этой революции — освободить Россию и Европу от самодержавия и военной угрозы царизма, способствуя тем самым укреплению демократии повсюду в Европе. Задача же германской социал-демократии — защищать русскую революцию от иностранной интервенции³.

Но, может быть, русские методы борьбы все же содержали хоть что-то позитивное, «образцовое», годное для применения и в Германии? Размышляя над этим вопросом, Бернштейн указывал в одной из статей в январе 1906 года, что, несомненно, следует признать «влияние» русской революции на германскую внутреннюю политику и что русский пример, конечно же, некоторым образом «нарушил существующую традицию»⁴. В конечном счете, однако, его ответ заключался в подчеркивании необходимости возврата к реформистской стратегии, хотя бы, возможно, и такой, которая была бы способна использовать энергию масс.

Размышляя над указанными вопросами — и открыто полемизируя с Розой Люксембург, — Бернштейн придавал органическую форму своим идеям относительно различий между Востоком и Западом. Безоговорочные поклонники русско-

¹ E. Bernstein. Einige Randbemerkungen — In: "Sozialistische Monatshefte", 1906, № 2, S. 130.

² E. Bernstein. Revolution und Russland. — In: "Sozialistische Monatshefte", 1905, № 4, S. 292.

³ Ibid., S. 294—295. По этому вопросу см. также: E. Bernstein. Zum sozialdemokratischen Parteitag in Jena. — In: "Sozialistische Monatshefte", 1905, № 9, S. 733.

⁴ E. Bernstein. Politischer Massenstreik und Revolutionsromantik. — In: "Sozialistische Monatshefte", 1906, № 1, S. 15.

го примера, рассуждал он, упускают из виду прежде всего то, что сила забастовок трудящихся масс России (забастовок, отмененных печатью стихийности) прямо пропорциональна слабости других классов и государства. Сама «стихийность» выступает здесь признаком этой типично русской особенности. Легкость, с какой вспыхивают забастовки в России, их стихийность — «не доказательство собственной силы рабочего класса, а признак временного бессилия или недостатка энергии у других классов и государственной власти»¹. Это исходный пункт, от которого Бернштейн отталкивался для широкого анализа различий между обществом и государством в России и в развитых странах Европы. Революцию в России сделала возможной проигранная война, которая повергла общество в хаос, а государство — в состояние бессилия. Эти хаос и бессилие обусловлены, с одной стороны, отсутствием организованного гражданского общества с политическими партиями, представляющими те или иные социальные группы, а с другой — тем, что, не имея за спиной организованного общества, российское государство оказалось без резервов. Все это, однако, было прямым следствием деспотизма: «Неизбежным результатом самодержавия является то, что позади себя оно оставляет хаос». В Германии совершенно иная ситуация. Хотя и верно, что подлинной политической демократии здесь нет, имеется все же достаточно разветвленная сеть общественно-политических организаций, делающая обстановку в стране несопоставимой с российской. Да и само германское государство совсем иное, чем российское. Оно обслуживается преданным чиновничеством, оно прочно. За его плечами стоит решительный и хорошо организованный класс предпринимателей. «Итак, при наличии государства этого типа, организованных политических партий, которые, пусть даже не всегда зная, чего они хотят, довольно хорошо знают, чего они не хотят, и соответственно хорошо организованной предпринимательской буржуазии в некоторых отраслях промышленности — даже очень хорошо организованной — ясно, что при наличии всех этих обстоятельств вопрос о массовой политической забастовке не может не ставиться совершенно иным образом, чем в потрясенной России, внутренние связи которой нарушены. Не видеть этого могут лишь люди, наделенные наивностью детей либо легкомыслием игроков»².

Помимо всего этого, Бернштейн настаивал еще на том, что в Германии отсутствует революционная традиция. Революционность, отмечал он, действительно проникла в немецкое рабочее движение, но на идеологически абстрактном

¹ Ibid., S. 17.

² Ibid., S. 18.

уровне. По историческим причинам немец «никогда не был» революционером. «Язык, который мы употребляем,— писал Бернштейн,— особенно на съездах,— это антипарламентарно-революционный язык, но наша практика... антиреволюционно-парламентарная. Мы никоим образом не революционная партия, мы партия легально-парламентарного действия. И год от года мы становимся ею все больше». Участь германской социал-демократии является парламентской, и в качестве таковой ее следует признать¹.

В статье, посвященной результатам партийного съезда 1905 года, Бернштейн, воспроизводя главные положения своей известной книги, заложившей классические основы теоретического ревизионизма, подчеркивал в полном согласии с радикалами, что в Германии и политическая демократия, и парламентаризм носят уродливо урезанный характер. Однако из этой общей с радикалами точки зрения он делал опровергающий их заключения вывод. Немецкая социал-демократия должна употребить все свои силы на то, чтобы вдохнуть жизнь в политическую демократию и парламент для придания им энергии в борьбе за реформы².

¹ См.: *E. Bernstein. Das vergrabene Pfund und die Taktik der Sozialdemokratie.* — In: “*Sozialistische Monatshefte*”, 1906, № 4, S. 293—295.

² См.: *E. Bernstein. Zum sozialdemokratischen Parteitag*, S. 730—732.